

НОВЫЙ ДЕНЬ

Сборник рассказов.
Часть первая.

18+

Максим Майоров

Новый день. Рассказы

«Автор»

2026

Майоров М.

Новый день. Рассказы / М. Майоров — «Автор», 2026

Понять себя — ещё не значит научиться жить иначе. После событий книги «В гостях у старца» Максим возвращается в обычную жизнь: работу, отношения, поездки, решения, ошибки и планы. Он по-прежнему привык быть сильным, всё контролировать, быстро решать проблемы, быть полезным и брать ответственность на себя. Но теперь всё чаще замечает момент, когда то, что много лет помогало ему жить, начинает мешать. Каждый рассказ «Нового дня» — один такой день. Иногда смешной, иногда тяжёлый, иногда почти незаметный. День, в котором Максим снова сталкивается с собой прежним и получает возможность поступить иначе. Не всегда правильно. Не всегда без последствий. Это книга не о человеке, который однажды разобрался в своих психологических проблемах. Это книга о человеке, который после этого продолжил жить. И постепенно понял: новый день начинается тогда, когда в знакомой ситуации у тебя появляется выбор.

© Майоров М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Кнопка неба	5
Лариса сама	30
Не надо чинить	46
Сегодня за мой счёт	56
Тихая дверь	64
Два обещания	79
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Максим Майоров Новый день. Рассказы

Кнопка неба

Ночью прошёл мелкий дождь. Щебень потемнел, в колеях стояла вода, а в лужах, где успела осесть пыль, плавали тонкие радужные разводы солярки. Из открытых проёмов первого этажа тянуло мокрой фанерой, бетоном и свежим металлом — обычным запахом недостроенного дома, в котором ещё никто не живёт, а людей каждый день уже полно.

Стотонник приехал затемно и к моему появлению стоял на выносных опорах чуть наискосок к фасаду — тесный двор не позволял развернуть машину иначе. Стрела прошла над кровлей и растворилась в густом утреннем тумане. Казалось, проходившее мимо облако зацепилось за торчащую над домом арматуру и теперь медленно протискивалось дальше под порывами ветра, то открывая серый металл стрелы, то снова пряча его в белой сырой массе. Отсюда, снизу, стрела казалась тонкой нитью, уходящей в никуда, и только тяжёлые плиты под опорами, огромные колёса и ровное урчание дизеля возвращали глазу настоящий масштаб машины.

У передней опоры стоял Виктор Петрович — коренастый мужчина среднего роста с обветренным лицом и глубокими морщинами. Было в нём что-то от старого морского капитана: не внешне даже, а в том, как он смотрел на погоду и технику. Вес, высота, ветер и люди, отвечающие за свои решения, вызывали у него уважение. Ко всему остальному он относился с некоторым подозрением.

В ладони у него был маленький анемометр. Виктор Петрович внимательно смотрел на показания, время от времени переводя взгляд на стрелу крана; та едва заметно покачивалась и сама будто раздвигала облако, в котором пряталась. Этот прибор я знал с первого рабочего дня. Когда я только разбирался в вентиляции, старшие инженеры с важностью мудрых мужей учили меня мерить им скорость воздуха в воздуховодах. Тогда маленькая крыльчатка казалась почти занятой игрушкой. Сегодня в руках Виктора Петровича она вызывала совсем другие чувства — то ли уныние, то ли злость. От её цифр зависело, поднимется ли наша махина в небо.

Ферма лежала вдоль дома на деревянных подкладках.

На чертеже — понятный, знакомый до мелочей эскиз: несколько линий и связей, узлы, обозначения; в углу таблица с массой металла, марками стали и знакомыми номерами ГОСТ. Всё логично, всё на своём месте. За последний месяц я настолько изучил этот лист, что мог бы, наверное, воспроизвести его с закрытыми глазами.

Я смотрел на неё и видел совсем иную картину.

Тёмная, тяжёлая после ночного дождя масса стали растянулась вдоль фасада на десятки метров. Косые связи собирали её в длинную череду треугольников; в углах между пластинами стояла вода, на заводских швах висели крупные капли. Я остановился у одного конца, попробовал охватить ферму взглядом целиком — не получилось. Пришлось идти вдоль неё, метр за метром, рассматривая сварные швы, болты, примыкания. На бумаге я знал её сразу всю. Здесь она заставляла знакомиться с собой постепенно.

И эту махину нам сегодня надо было поднять над двором, провести между уже готовыми конструкциями и посадить на опоры.

Стройку я терпеть не мог. Скорее она сама каким-то образом выбрала меня и много лет не отпускала. Но был в стройке один момент, который всё-таки стоил остального: когда линии на бумаге вдруг становились настоящей вещью.

Сегодня нам предстояло поднять ферму на проектную отметку. Она должна была вынести верхнюю террасу почти на двенадцать метров от каркаса и открыть над городом свободный край — без опор перед глазами. По проекту там появятся двенадцать столиков ресторана. Я посмотрел сквозь туман на уходящую вверх стрелу и на мгновение увидел уже не ферму, не сварные швы и не узлы, а вечер: тёплый свет, бокалы на столах, людей за ужином и город далеко внизу — почти с высоты парящего орла. Кто-нибудь потом будет сидеть там, смотреть на закат и даже не подозревать, сколько металла, нервов, расчётов и человеческих рук понадобилось ради этого вида.

— Доброе утро, — вернул меня в реальность голос Ильи.

Он стоял у ближнего конца фермы: каска сдвинута назад, куртка расстёгнута, в одной руке телефон, в другой бутерброд, который от сырости уже начал терять первоначальный замысел.

— Это ты завтракаешь?

Илья посмотрел на бутерброд, будто сам только сейчас обратил на него внимание.

— Пока да.

— Тогда ладно.

— А если бы перчатку жевал?

— Проверил бы технику безопасности. Потом попросил вторую.

Он усмехнулся и кивнул в сторону стрелы.

— Ветер с ночи поднялся.

Я знал.

Перед сном посмотрел прогноз. Потом ещё раз в половине пятого, когда проснулся попить воды. Один сервис обещал спокойное утро и усиление после одиннадцати. Второй оставлял нам минут сорок. Третий, самый добрый, переносил все неприятности на вторую половину дня.

Я ещё не успел толком открыть глаза, а на внутренней школьной доске Разум уже успел мелом вывести три прогноза, два запасных варианта и жирно подчеркнуть предложение установить четвёртое приложение — на случай, если первые три недостаточно хорошо понимают важность сегодняшнего подъёма.

Ветер прогнозы моих приложений не читал и жил своей жизнью.

То уходил совсем, и мокрая сетка на ограждении тяжело обвисала, то возвращался одним широким холодным движением: шуршал плёнкой, трогал провода, находил щель между воротником и шеей. Вместе с ним двигался туман — то открывал край кровли, то снова съедал верх стрелы.

Я подошёл к Виктору Петровичу.

— Что у нас?

Он даже не повернулся.

— Ветер.

— Это я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Вдруг у тебя другой прогноз.

На его лице ничего не изменилось. Он только протянул мне анемометр, как врач, которому пациент зачем-то решил доказать, что температура у него другая.

— Порывы гуляют. Ждём.

Ждём.

Слово мне никогда не нравилось, хотя на стройке без него не бывает ни одного нормального объекта. Ждём бетон. Ждём поставку. Ждём согласование. Ждём электриков, которые обещали приехать час назад. Пока ждёт кто-то другой, всё это звучит вполне разумно. Но стоит самому оказаться внутри ожидания — особенно рядом с уже готовой работой, — и руки начинают искать, что ещё можно сделать.

К семи приехали монтажники. Тёмные куртки разошлись вдоль фермы. Один потянул строп, другой пошёл наверх к месту приёма, Илья проверил связь. Рации потрескивали в сыром воздухе, металл негромко отзывался на металл. Основную подготовку закончили ещё с вечера: крепёж наверху, проход свободен, ограждение переставлено, люди на месте.

Всё, что зависело от нас, было готово.

Я достал телефон.

Прогноз не изменился.

Обновил.

На карте в километре от нас ветер был слабее. Я приблизил участок двумя пальцами. Цветное пятно прошло почти по границе объекта. Если чуть сдвинуть карту, погода становилась вполне приличной.

— Максим, — сказал Виктор Петрович, не оборачиваясь, — телефон площадку продуть не умеет.

— Плохо старались разработчики.

— Напиши жалобу.

Около семи сорока ветер вдруг сбросил порыв и утих почти мгновенно. Сетка провисла. В лужах погасла мелкая рябь. Плёнка перестала хлопать, и в наступившей тишине отчётливее заурчал дизель. Илья бросил пакет с недоеденным бутербродом на бетонный блок и взял рацию. Монтажники будто только этого и ждали: двое подошли к ферме, человек наверху показал рукой, что готов принимать.

Вся стройка за несколько секунд подобралась, как сторожевой пёс, услышавший шаг за воротами, — не рванулась вперёд, только застыла в готовности и ждала одного слова крановщика.

Виктор Петрович поднял ладонь.

Никто не двинулся.

Секунд двадцать тишина ещё держалась. Потом за бытовками зашуршал полиэтилен. Сетка вздрогнула, натянулась. Пустой стакан выкатился на проезд, подпрыгнул на камне и побежал через двор.

— Отбой.

Готовность рассыпалась так же быстро, как возникла. Илья нашёл свой бутерброд, осмотрел его и коротко сообщил:

— Жив.

— Кто?

— Завтрак.

Я ещё улыбался, когда рука сама потянулась к телефону — проверить погоду.

К восьми приехал Олег от заказчика. Его чистые ботинки прожили на площадке минуты три; вода и щебень быстро сделали их такими же серыми, как наши. Он посмотрел на ферму, потом на кран и спросил, что у нас по факту.

— Ждём окно.

— До скольких?

— Утром шанс ещё есть.

Олег смотрел не на небо — на меня.

— Максим, мне фасадчиков куда девать?

Вот это уже было не про прогноз. Его люди стояли здесь. Кран считался по смене. За одной задержкой тянулась следующая работа, потом ещё одна. В графике это выглядело несколькими цветными полосами. В жизни у каждой полосы были люди, машины, зарплата и человек, который вечером выставит счёт.

Я попросил дать мне час.

Олег кивнул без удовольствия и ушёл.

Почти сразу я подозвал Илью и предложил ещё раз посмотреть обвязку.

Он не спорил. Только посмотрел на меня тем особым изучающим взглядом, каким смотрят на человека, когда хотят понять: он сам слышит то, что сейчас говорит, или уже нет.

Обвязку проверили.

Потом я попросил ещё раз посмотреть верхние опоры. Их проверяли час назад. Вспомнил про запасной страховочный канат. Канат лежал там, где и должен был.

Проверенных вещей становилось всё больше, а спокойнее не становилось.

Я позвонил инженеру и попросил ещё раз посмотреть схему подъёма — не появится ли чего неприятного, если порыв придёт сбоку.

На том конце несколько секунд молчали.

— Максим, что у нас с вечера изменилось?

— Ветер.

— В схеме?

— Ничего.

— Ферма похудела?

— К сожалению, нет.

— Тогда что мне пересчитать?

Я смотрел, как под нижней пластиной набухает капля. Она долго держалась, потом сорвалась в щебень.

— Ничего.

— Тогда я кофе допью?

— Разрешаю.

— Спасибо, начальник.

Он отключился раньше, чем я успел напомнить, что начальником ему не являюсь.

К этому времени стройка вошла в самое противное рабочее состояние: все приехали, техника стоит, деньги идут, люди чем-то заняты — а дело не движется ни на сантиметр. Один монтажник перебирал крепёж. Другой свернул канат, а через несколько минут снова его разложил. Роман поставил мокрые перчатки у тепловой пушки и сказал Косте, что к вечеру они отполируют ферму глазами до зеркального блеска и можно будет отдельно предъявить заказчику.

Костя засмеялся.

Я тоже.

И снова потянул пальцем страницу вниз.

На экране закрутился белый кружок.

Кнопка неба.

Вот бы так и работало. Провёл пальцем — мир обновился. Не понравилось — ещё раз. Пока там наверху наконец не заметят, что внизу кран, люди, график и вообще-то всё давно согласовано.

Телефон был умный.

До этого пока не додумался.

В девять я дал Олегу честный статус: подъёма пока нет. Часть фасадчиков ушла на другой участок, а я продолжил ждать.

Илья подошёл сам.

— Людей сколько держим?

— Если через сорок минут откроется окно, собирать обратно будем полтора часа.

— Я знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Он помолчал, глядя куда-то мимо меня, на своих ребят.

— Потому что они мои люди. Костя смену считает. Романыч второй раз штаны сушит. Завтра двое нужны на другом объекте. А мы третий час готовимся к тому, что сейчас всё равно делать нельзя.

Во мне сразу поднялись ответы. Все разумные. Цена крана. Возможное короткое окно. Ответственность. Опыт, когда одна лишняя проверка действительно спасает от переделки. Кто будет объясняться, если в нужную минуту чего-нибудь не окажется под рукой.

Всё это было правдой.

Наверное, именно поэтому так хотелось произнести.

Вместо этого я снова предложил проверить верх.

Илья даже не двинулся.

— Максим, верх смотрели. Обязку смотрели. Крепёж смотрели. Хватит ребят по третьему кругу гонять. Ветер от этого не стихнет.

Уши у меня сразу стали горячими. Со мной так бывает: внутри уже поднимается волна, а голос, наоборот, становится холоднее.

Я спросил, есть ли у него проблема ещё раз проверить.

— Нет у меня проблемы. Хоть до вечера буду проверять. Только болты новее не станут.

По стали медленно ползли капли. Роман грел ладони у пушки. Костя говорил по телефону. Человек, утром поднявшийся к месту приёма, давно спустился и курил под перекрытием.

Кран молчал.

— До десяти, — сказал я. — Потом отпускаяй.

В половине одиннадцатого ветер стих вдруг.

Я вышел из бытовки и сразу понял, что площадка звучит иначе. Плёнка замолчала. Сетка повисла. В лужах лежала ровная вода. Остались дизельный гул да далёкий визг инструмента внутри дома.

Люди тоже слышали тишину. Перчатки натянулись на руки. Илья пошёл к Виктору Петровичу.

Внутри меня всё уже рванулось вперёд: люди к ферме, связь, верх, стропы, сообщение Олегу. Поднять сейчас, пока воздух наконец стоит.

Я успел только позвать Илью, когда Виктор Петрович поднял руку.

— Не надо.

— Сейчас же тихо.

— Сейчас — да.

— Сколько тебе надо?

Он посмотрел на меня так, как капитан, наверное, смотрит на человека с берега, который впервые увидел спокойную волну и решил, что море закончилось.

— Столько, сколько мне надо, чтобы разрешить подъём.

Через пару минут качнулась сигнальная лента. Потом из-за угла дома потянуло холодом. Белый пакет у бордюра приподнялся и пополз по щебню.

Виктор Петрович посмотрел на пакет, потом на меня. Ничего не сказал. Ещё через несколько минут убрал прибор в карман.

— Всё. Сегодня подъёма не будет.

Я возразил, что ещё половины дня нет.

Он устало провёл ладонью по подбородку.

— Максим, за все годы бывало, что я жалел: поднял. А что не поднял — ни разу.

— Вы мне сейчас мораль читаете?

— Я тебе про кран.

И снова посмотрел на небо.

Продолжить спор я мог — и умел это делать.

Открыть ППР. Потребовать ещё один замер. Позвонить руководству крановщиков. Свести прогноз, фактический ветер, простой и обязательства в одну линию. Почти у любой проблемы, если давить достаточно долго, находится ещё один аргумент, ещё один телефон, ещё одна дверь.

Телефон уже был у меня в руке.

Я посмотрел на него, потом на Виктора Петровича, на Илью, на людей возле фермы. И только потом — на саму ферму.

Она лежала всё там же: мокрая, тяжёлая, огромная. Ей было безразлично, кто из нас окажется правее.

Ветер был единственным на площадке, кому с утра было совершенно всё равно, что я тороплюсь.

— Хорошо, — сказал я. — Сегодня не поднимаем.

Легче от этого не стало. Кран дешевле не стал, график не выправился, люди потеряли время.

Илья оставил троих на других работах, остальных отпустил. Через несколько минут ожидание распалось на обычную жизнь стройки: за стеной заработал перфоратор, кто-то понёс профиль, по лестнице загрохотали ботинки. Стотонник всё ещё возвышался над домом, но уже перестал быть в центре внимания.

Я задержался возле фермы.

Швы были на месте. Узлы собраны. Подкладки стояли правильно. Всё, что мы сделали, никуда не исчезло.

Просто этого оказалось недостаточно.

* * *

Домой я возвращался затемно.

На выезде из посёлка навигатор сообщил о пробке и предложил объезд. На экране появилась синяя линия, уверенно свернула с привычного шоссе на боковую дорогу и прибавила к маршруту одиннадцать минут.

Я повернул.

Навигаторам я доверял. Они хотя бы честно пересчитывали время, когда реальность не совпадала с первоначальным расчётом.

Эта мысль почему-то вернула меня к другой дороге — старой, просёлочной, почти забытой. Когда-то навигатор тоже увёл меня с привычного пути, потом связь пропала, карта стала бесполезной, топлива оставалось мало, а впереди не было ни нормальной дороги, ни понятного решения. Именно тогда я оказался у дома Прохора — человека, встреча с которым изменила привычный уклад моей жизни и открыла во мне то, что, оказывается, давно жило внутри, но во что я боялся поверить.

Самый важный поворот случился в тот момент, когда карта перестала работать.

Мысль получилась слишком красивой, и Разум тут же подкинул поправку: с тем же успехом всё могло закончиться эвакуатором и ночёвкой в машине.

Я невольно улыбнулся.

Вот за это я его и ценил.

Дома Лариса с гарнитурой в ушах что-то решала за ноутбуком. Увидела меня, подняла ладонь вместо приветствия и снова вернулась к разговору. На кухне пахло чесноком и запечёнными овощами. Я поел почти не чувствуя вкуса, открыл прогноз и к полуночи успел найти уже пятый погодный сервис.

Два обещали порывы до обеда. Третий вдруг рисовал спокойный промежуток около восьми. Четвёртый осторожничал. Пятый отличался от всех и поэтому казался особенно интересным.

В какой-то момент я заметил, что снова тяну страницу вниз, хотя данные обновлялись три минуты назад.

Кнопка неба.

Я положил телефон экраном вниз.

Через минуту перевернул обратно.

* * *

— Через триста метров держитесь правее.

Под шелест шин по мокрому ночному шоссе я медленно проваливался в полудрёму и смотрел на разметку, которую фары на мгновение выдёргивали из темноты.

Белые полосы возникали перед капотом, скользили под машину и тут же исчезали, словно дорога существовала только в узком коридоре света. В лужах дрожал отблеск фар; мягкий свет приборки едва обозначал салон. За окнами стоял лес, но увидеть его целиком было невозможно — он появлялся кусками, ровно настолько, насколько позволяли фары.

Телефон светился на привычном месте. По экрану тянулась синяя линия маршрута.

— Через двести метров держитесь правее.

Голос был уже не электронным.

Я повернул голову.

Мне даже не понадобилось всматриваться. Идеальный тёмный костюм, безупречная посадка пиджака, чёткая выправка сразу вернули меня в те странные сны у Прохора, где мы уже спорили: город из бетона и стекла, чёрная машина, знакомое спокойное превосходство. Всё пришло одним коротким озарением, как бывает с человеком, которого давно не видел, но никогда не забывал.

— Разум... Здравствуй. Ты как тут?

Он сидел рядом совершенно спокойно, будто всю дорогу именно здесь и находился.

— А где мне ещё быть?

— В голове, наверное.

— Очень приблизительное описание.

Я хмыкнул. Он остался прежним — собранным, точным, чуть раздражающе безупречным.

На экране приближался поворот.

— Направо, — сказал он.

Я посмотрел налево.

Между деревьями уходила узкая дорога без разметки. На карте её не было. Почему-то я включил левый поворотник и свернул.

Телефон коротко пискнул.

— Маршрут перестроен.

Синяя линия тут же нарисовала петлю и предложила через четыреста метров развернуться.

Я поехал дальше.

— Развернитесь при первой возможности, — сухо повторил Разум.

— Почему?

— Дорога отсутствует.

Под колёсами шелестел совершенно настоящий мокрый гравий.

— А она есть.

— На карте её нет.

— Не видишь на карте — а дорога есть.

Он поджал губы.

— Для навигации это слабое утешение.

Лес обступил дорогу плотной стеной, будто удерживал в ветвях последние крохи угасающего дня. Внутри всё сжалось, и я невольно поёжился. Очень хотелось увидеть впереди фонарь, дом, знак, любую мелочь, которая подтвердила бы: я не совершаю очередную глупость.

Разум снова предложил вернуться.

— Там опасно?

Он не ответил сразу.

— Я не знаю, что там.

— Я спросил: опасно?

— Недостаточно данных.

— То есть ты не знаешь.

— Именно это я и сказал.

— А ведёшь себя так, будто знаешь.

Разум повернулся ко мне. В его лице не было ни обиды, ни растерянности — только та рабочая сосредоточенность, с которой хороший инженер смотрит на человека, решившего спорить с расчётом.

— Я не управляю тобой, Максим. Я сравниваю. Запоминаю. Предупреждаю. Строю прогнозы. Чем меньше данных впереди, тем больше я опираюсь на прошлый опыт. И это разумно.

Последнее слово он произнёс с лёгким нажимом, будто напомнил, как его зовут.

— Со всем прошлым?

— Со всем, что вошло в тебя достаточно глубоко.

Фары качнулись на повороте — и лес на мгновение сменился сырой бетонной стеной подвала.

Мне снова было тринадцать. Только смотрел я на того мальчишку уже глазами человека, прожившего после этого больше тридцати лет.

Самого избиения сон не вернул. Я увидел себя после: плечи уже собраны, лицо пустое, движения точные — будто внутри одним щелчком выключили всё лишнее. Тогда я ничего не формулировал. Просто встал и дальше решал всё сам. Без лишних слов и движений. Холодно. Ясно. Расчётливо.

Я перевёл взгляд на Разум. Он смотрел в ответ так же спокойно.

— Это ты сохранил?

— Я сохранил то, после чего ты изменил правила.

— Какие?

Он чуть пожал плечами.

— Не ждать. Не зависеть. Проверять самому.

— Звучит как: «не верь, не бойся, не проси».

Я хотел возразить, но не нашёл чем. Всё это работало. И не раз.

Бетонная стена растаяла в темноте, и под колёсами снова зашелестел гравий.

Через несколько поворотов фары скользнули по старым брёвнам. Из темноты пришёл короткий глухой удар молотка.

Плечи напряглись раньше мысли.

А следом из памяти вышел Прохор: спокойная рука, тот же молоток, та самая стена. Тогда он ничего мне не объяснял — просто сменил декорацию. Стоило увидеть, кто и зачем стучит, и звук, от которого когда-то сжималось всё внутри, оказался обычной работой по дереву.

Удар был тот же. Только теперь я видел руку, молоток и доску.

Плечи медленно отпустило.

— Вот это тоже у меня есть, — сказал Разум.

— Теперь уже и у меня.

На дороге появились две глубокие колеи. Машину бросило в сторону, и я автоматически сбросил скорость.

— Если что-то уже спасало, я предлагаю это раньше, — продолжил он. — Контроль снижал риск — значит, сначала контроль. Ожидание однажды обошлось дорого — значит, ожиданию меньше доверия.

— Почти как искусственный интеллект на собственной выборке.

Он поморщился.

— Сравнение грубое.

— Но?

— Рабочее.

— Даже если выборка собрана в ненормальной жизни?

— Другой у меня нет.

Дорога вывела нас к развилке. Вправо уходила широкая, хорошо укатанная дорога; слева едва заметная колея терялась в тумане.

Разум, не раздумывая, указал направо.

— Там надёжнее?

— Там знакомее.

— Это и есть твоя знаменитая зона комфорта?

Он коротко рассмеялся.

— Ненавижу это выражение.

— Почему?

Разум кивнул туда, где только что исчез подвал.

— Там тебе было комфортно?

— Нет.

— Вот именно. Я защищаю знакомое. Знакомое можно сравнивать, обсчитывать, предсказывать.

Он немного помолчал.

— Даже знакомую боль.

Я посмотрел на него.

— Вот это уже похоже на тебя.

— Наконец-то.

Я не повернул ни вправо, ни влево. Остановился прямо перед развилкой. Несколько секунд мы молчали; двигатель работал ровно, дворники лениво снимали со стекла мелкую влагу.

— Тогда объясни мне одну вещь. Если ты навигатор, почему мы всё время ездим по кругу? Декорации меняются, а маршрут повторяется.

Разум нахмурился.

— Потому что ты постоянно отклоняешься от безопасного маршрута.

— Я не это спросил. Куда ты меня вообще ведёшь?

Он посмотрел на экран.

Там по-прежнему горела синяя линия.

И только теперь я заметил странность: в верхней части карты, там, где обычно написан адрес, было пусто.

Маршрут был.

Пункта назначения не было.

— Это что?

Разум ответил не сразу.

— Ты редко задавал конечную точку.

— Как это?

— Обычно сообщал, откуда надо уйти.

— Например?

Он начал перечислять спокойно, почти буднично:

— Не остаться без денег. Не оказаться слабым. Не зависеть. Не дать объекту встать. Не оказаться ненужным.

Я смотрел на пустую строку адреса.

— И ты строил маршрут?

— Разумеется.

— Куда?

— Подальше.

— А к чему?

Разум поднял глаза.

— Этого в задаче обычно не было.

На очередной кочке где-то в панели коротко пискнул знакомый пластиковый «жучок» — тот самый мелкий скрип, который месяцами обещаешь найти и всё не находишь.

В пустой строке вдруг уместились годы: быстрее работать, больше зарабатывать, брать следующий проект, вытаскивать чужие проблемы. Почти всегда я отлично знал, от чего бежал — от бедности, беспомощности, зависимости, от того мальчишки, к которому никто не пришёл.

А куда?

На обочине впереди появился мягкий свет. Не фара и не фонарь — просто светлое пятно, от которого туман вокруг стал прозрачнее. Там стояла женщина.

Я узнал Душу раньше, чем увидел лицо.

Она подошла к машине и остановилась у моего окна.

Разум едва заметно подобрался.

— На карте ничего нет.

Душа улыбнулась.

— Я вижу.

— Очень содержательно.

— А ты хотел координаты?

— Желательно.

Я невольно усмехнулся.

Я вышел из машины.

Через несколько десятков метров лес расступился, открывая перед нами большое тёмное поле. Над ним низко повисло огромное звёздное небо — почти невозможное после маленького светящегося экрана в салоне. От его масштаба на секунду закружилась голова.

На телефоне всё ещё горела карта. Пара сантиметров синей линии, поворот, расстояние, скорость.

За пределами экрана находилось всё остальное.

— А ты знаешь, куда мне надо? — спросил я у Души.

— Нет.

— Великолепно. У одного маршруты без цели, у второй цель без адреса.

Она рассмеялась.

— Я про цель ничего не говорила.

Разум едва заметно усмехнулся.

Душа посмотрела на пустую строку назначения и ткнула в неё пальцем.

— Он-то при чём? Адреса здесь нет.

Я повернулся к Разуму. Он смотрел в ответ так же пристально и, кажется, ждал моего решения. Первым отвёл взгляд я.

— Навигатор строит маршрут после того, как задан пункт назначения, — сказал он.

— А если не задан?

— Тогда я исхожу из приоритетов, которые ты повторял чаще всего.

— То есть бегу «от».

— Если так тебе понятнее.

Я посмотрел на Душу.

— А ты тогда зачем?

— Я не навигатор.

— Это я уже понял.

Она подняла голову к небу.

— Иногда я просто раньше тебя замечаю, куда ты смотришь.

— И откуда ты знаешь, что это важно?

Душа не ответила. Только едва заметно улыбнулась.

Разум тоже посмотрел вверх, потом снова на экран.

— По этому направлению данных у меня нет.

— То есть новое для тебя всегда хуже знакомого?

— Не хуже. В нём больше неизвестных.

— И поэтому ты ведёшь обратно.

— Я предлагаю маршрут с самым понятным риском.

Я протянул руку к телефону.

— Покажи остальные.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом рядом с синей линией появилась серая. Ещё одна — длиннее. Третья почти сразу оборвалась и дальше пошла пунктиром.

— Это что?

— Дальше данных нет.

Я долго смотрел на пунктир. Он не обещал, что дорога существует. Не скрывал, что часть пути неизвестна. Просто оставлял возможность.

— Не убирай его.

Разум посмотрел на меня.

— Раньше ты просил показывать лучший.

— А теперь хочу видеть все варианты.

Он ничего не ответил.

Я вернул ему телефон.

— И ещё. Если я не задал адрес, не задавай его вместо меня.

В его лице впервые появилось что-то похожее на сомнение.

— Кто тогда выберет?

Я почти автоматически повернулся к Душе.

Она уже смотрела на звёзды, будто вопрос к ней не относился.

Пришлось отвечать самому.

— Я.

Разум медленно кивнул.

— Можешь ошибиться.

— Могу.

— Потерять деньги. Время. Людей.

Я кивнул.

— Для этого ты и нужен. Предупреждай.

— А если всё равно поедешь?

— Перестроишь маршрут.

Угол его рта едва заметно дрогнул.

— Это я умею.

* * *

На часах было пять сорок две.

Телефон лежал рядом.

Первое, что я сделал, — посмотрел погоду.

Она не улучшилась.

Некоторое время я лежал, глядя на экран, и чувствовал, как внутри уже выстраивается знакомая синяя линия: поднять всех пораньше, держать бригаду на месте, вызвать кран заранее, не потерять ни одной минуты возможного окна.

Маршрут был прекрасный.

Только в этот раз я впервые увидел, от чего он построен.

Я набрал Виктора Петровича и спросил, что по факту.

— Порывы. Пока не поднимаем.

Потом позвонил Илье.

— Людей пока не вези.

Илья помолчал.

— Всех?

Вчера я бы уже ответил.

— Сколько тебе реально надо держать рядом, чтобы после команды быстро собраться?

Илья окончательно проснулся.

— Ты сейчас серьёзно?

— Пока да.

Он прикинул: троих можно оставить на объекте неподалёку, остальных собрать примерно за час.

— Оставь троих. Остальных без команды не дёргай.

— Принял.

Я уже собирался отключиться, когда Илья окликнул:

— Максим.

— Что?

— Ты заболел?

— Илья.

— Всё, всё. Работаем.

К восьми я был на площадке. Туман поднялся, но ветер ещё ходил по ограждению длинными волнами. Ферма лежала там же, только верхние пластины подсохли.

В восемь двадцать позвонил Виктор Петрович.

— Стихает. Если так постоит минут сорок, можно готовиться.

Внутри всё сразу собралось.

Я набрал Илью.

— Собирай.

— Уже.

Через сорок минут Виктор позвонил снова.

— Пока нормально.

Люди были ещё в дороге.

В девять десять ветер почти совсем стих. Я ходил вдоль фермы и смотрел на часы. В девять двадцать пять подъехали первые. В девять сорок — Илья с остальными.

А в девять сорок семь по ограждению прошла знакомая волна.

Виктор Петрович посмотрел на прибор.

— Всё. Опоздали.

Я почувствовал, как внутри мгновенно поднялась горячая, почти радостная уверенность.

Вот.

Вот зачем надо было держать всех с утра.

Вот почему я всегда проверяю заранее.

Вот почему нельзя расслабляться.

Старая синяя линия вспыхнула мгновенно, ярче всех остальных.

Илья стоял рядом и, похоже, понял всё без слов.

— Если бы всех с семи держали, подняли бы.

— Подняли бы, — ответил я.

Илья повернул ко мне голову.

— И что?

Я посмотрел на ферму.

Мы потеряли окно.

Это был факт. Кран стоял. Люди только приехали. Ветер снова поднялся.

И отвечать за это решение всё равно приходилось мне.

На секунду захотелось вернуть старую схему целиком: завтра все к семи, кран заранее, три прогноза, пять проверок, никого не отпускать. Дорога знакомая, сухая, прекрасно освещённая.

Я почти свернул.

Потом вспомнил пунктир.

— Троих мало? — спросил я.

Илья пожал плечами.

— Для полной подготовки мало. Но всех держать смысла нет.

— Сколько?

Илья начал считать вслух: кто живёт дальше, кто может начать другую работу рядом, кому сколько нужно времени до площадки и что можно подготовить заранее без крана.

Я слушал.

Не потому, что вдруг научился доверять людям вообще. Просто это была его бригада, и он действительно знал её лучше меня.

Через десять минут у нас появился ещё один маршрут — некрасивый и без всяких гарантий.

Часть людей оставалась рядом. Остальные работали в получасе езды и держали телефоны включёнными. Кран не разворачивался до подтверждения Виктора Петровича. Всё, что можно подготовить заранее, готовилось заранее — один раз.

— Всё равно можем не успеть, — сказал Илья.

— Можем.

— И можем зря сорвать людей с другой работы.

— Можем.

Он посмотрел на меня.

— Неприятный ты стал.

— Почему?

— Раньше хотя бы делал вид, что всё предусмотрел.

Я засмеялся.

— Сам скучаю.

В тот день мы ферму снова не подняли.

К вечеру я уже ненавидел погоду, новые методы управления и немного Прохора, хотя старик вообще не имел отношения к происходящему.

Зато монтажники отработали день на другом объекте.

* * *

На третий день туман висел выше.

Стрела стотонника была видна целиком — от массивного основания до тонкого конца, на котором покачивался крюк. Ветер держался ровно.

Виктор Петрович дал готовиться в восемь двадцать. Через час люди были на месте.

Никто не суетился. Стропы легли на металл. Наверху заняли позиции. Рации ожили короткими голосами. Кран тихо прибавил обороты.

Я стоял немного в стороне.

Разум тут же предложил проверить семь вещей. Я мысленно прошёл список до конца: две действительно стоило уточнить; остальные оставил людям, которым они и принадлежали.

Виктор Петрович поднял ладонь.

Площадка замерла.

На этот раз сетка не шелохнулась.

— Работаем.

Стропы натянулись.

Сначала ничего не произошло. Потом деревянные подкладки тихо простонали. Вода, оставшаяся в одном из углов, дрогнула и тонкой струйкой побежала по металлу. Огромная стальная спина будто на мгновение стала ещё тяжелее — а потом между нижним поясом и деревом появилась тонкая полоска воздуха.

Несколько сантиметров.

Десять.

Полметра.

Ферма оторвалась от земли.

Я видел сотни подъёмов. И всё равно каждый раз в этом было что-то непривычное и прекрасное: вещь, которую на земле трудно даже сдвинуть, вдруг спокойно уходила вверх.

Не сама.

Кран. Стропы. Расчёты. Дизель. Виктор Петрович. Илья. Люди на оттяжках. Те, кто варил металл на заводе. Те, кто считал узлы. Те, кто готовил опоры.

И погода, которая наконец позволила всему этому случиться.

Ферма медленно поплыла над двором. Виктор Петрович смотрел вверх, слегка подавшись корпусом, и теперь окончательно напоминал капитана, который проводит тяжёлое судно через узкий фарватер.

Я ничего не делал руками.

И впервые это не казалось бездельем.

Один край фермы сел сразу. Второй пришлось чуть повернуть. Несколько коротких команд в рацию. Почти незаметное движение стрелы. Металл коснулся металла.

Всё.

То, что два дня лежало внизу большим грузным телом, за несколько минут стало частью дома. И сразу будто уменьшилось. Вписалось между конструкциями, приняло линии будущей кровли и снова превратилось в те самые понятные штрихи, которые месяц назад были на чертеже.

Только теперь я знал, сколько жизненных сил заключено между линией на бумаге и линией в настоящем мире.

Телефон завибрировал.

Погода.

Палец уже привычно потянулся обновить экран, но сверху крикнул Илья:

— Максим! Не стой красиво. На третьем узле пластина не садится.

— По чертежу?

— По чертежу всё прекрасно. Иди сюда, реальность покажу.

Я поднялся к нему.

У третьего узла Илья держал развернутый чертёж. Ветер подхватил свободный угол, завернул его и хлопнул по бетону.

— Показывай.

Илья ткнул пальцем в край пластины.

Я убрал телефон в карман, прижал ладонью хлопающий лист и наклонился к узлу.

Лариса сама

Ночью прошёл дождь. На стеклянном фасаде автосервиса ещё оставались мутные потёки, а на парковке между машинами стояли лужи. В них дрожали белые буквы вывески.

Внутри было слишком тепло для сентября. Пахло кофе из автомата, резиной, влажной одеждой и автомобильной химией — той самой, после которой салон ещё несколько часов

кажется не совсем своим. За стеклянной перегородкой были боксы: вспыхивал холодный свет переносной лампы, поднимались машины, между подъёмниками ходили люди в тёмной форме. Иногда оттуда коротко трещал гайковёрт, потом снова оставался ровный гул вентиляции.

Ларисина машина была готова. Ключи лежали на белой стойке рядом с терминалом, на синей пластиковой бирке чёрным маркером был написан номер. Приёмщик уже собрал документы и, судя по всему, считал нашу часть субботы законченной.

Лариса потянулась к ключам, но остановилась.

— Подождите...

Она снова раскрыла заказ-наряд.

Я стоял чуть в стороне. Мы приехали вместе только потому, что дальше собирались выпить кофе и заехать в магазин. Потом Лариса поедет по своим делам, я — по своим. Вчера сервис позвонил ей после диагностики: передние колодки почти закончились, лучше поменять сейчас. Она согласовала работу, вечером назвала мне итоговую сумму, и больше автомобильная тема меня не занимала.

Поэтому я не сразу понял, что она там нашла.

— Скажите, пожалуйста, а вот это что у нас? — Лариса провела ногтем по двум строкам.

Приёмщик наклонился к листу.

— Обслуживание передних тормозных механизмов. И монтажный комплект.

— Названия я вижу. Я не понимаю, когда они появились.

Говорила она спокойно. У неё вообще была такая особенность: чем сильнее ей что-то не нравилось, тем реже она повышала голос. Просто начинала говорить чуть медленнее.

— Когда мастер разобрал передние тормоза, там направляющие грязные были, скобы уже в коррозии, — объяснил приёмщик. — Просто поставить колодки и закрыть нельзя. Всё вычистили, смазали, комплект заменили.

Лариса кивнула.

— Хорошо. Я не спорю, что мастер что-то нашёл. Я пытаюсь вспомнить другое: вы мне вчера звонили про колодки. Про эти четыре тысячи восемьсот сорок мы говорили?

Он задумался.

— Мы обсуждали обслуживание.

— Возможно. Я не буду делать вид, что помню каждое слово. Но сумму я бы запомнила. Мне назвали другую.

Она достала телефон и открыла вчерашний звонок.

— Вот. Разговор был совсем короткий. Вы сказали про колодки, я спросила, можно ли пока ездить. Вы сказали, что не советуете. Я ответила: меняйте. Всё, что я помню.

Приёмщик повернулся к монитору.

За нами уже ждали люди. Мужчина лет пятидесяти сел на диван и сразу достал телефон, а маленькая девочка в розовой куртке остановилась возле кофейного автомата. На нём светились кнопки «капучино», «какао» и «горячий шоколад», но по красной строке бежало сообщение, что воды нет. Девочка прочитала и всё равно нажала «какао». Автомат подумал и снова сообщил, что воды нет.

Лариса наклонилась к экрану.

— Что там написано?

— Замена передних колодок согласована. Рекомендована профилактика. Монтажный комплект.

— Вот. «Рекомендована». А где написано, что я согласилась?

— Отдельной отметки нет. Но вы поймите: если всё разобрано и мастер видит, что направляющая нормально не ходит, он не может просто воткнуть новые колодки и собрать обратно.

Последнюю фразу он почему-то сказал уже мне. Повернул голову совсем немного — как к человеку, с которым, видимо, проще договориться про железо.

Я тут же шагнул ближе.

— Ну, если направляющая действительно...

— Максим.

Лариса всё ещё держала пальцем строку в заказе. Потом посмотрела на меня.

— Я понимаю, что тормоза надо делать нормально. Я сейчас про другое.

И всё. Без упрёка. От этого моя готовность немедленно объяснить устройство суппорта стала особенно ненужной.

— Понял.

Я отошёл обратно.

В ближнем боксе механик снял колесо с большого чёрного внедорожника и покати́л его по полу. Колесо было ему почти по пояс. Он остановил его ногой у стены и вернулся к машине.

По технической части приёмщик, скорее всего, говорил правду. Если направляющая закисло, если пружины и пластины сгнили, нормальный мастер не станет собирать тормоз кое-как только потому, что клиент по телефону произнёс не все нужные слова.

Но между «это надо сделать» и «клиент за это заплатит» обычно всё-таки помещается звонок.

— А первоначальный заказ можно посмотреть? — спросила Лариса.

— Конечно.

Приёмщик вынул второй лист. Лариса положила оба рядом, ещё раз прочитала первую страницу, потом вторую и поправила край бумаги, который всё время сворачивался.

— Вот масло, фильтры, диагностика. Потом появились колодки. Их я согласовала. А этих двух позиций здесь нет.

— Они появились после разборки.

— Я понимаю, когда они появились у вас. Я не понимаю, когда они появились у меня.

Она сама чуть улыбнулась.

— Ну правда. Я машину отдала с одной суммой, потом по телефону согласовала другую. Сейчас вижу третью. Я не ругаюсь. Просто объясните, пожалуйста, почему я узнаю об этом уже у терминала.

Я бы к этому моменту уже попросил показать подтверждение согласования и позвать человека, который может принимать решение. Лариса разговаривала иначе. Не торопила человека в угол и не пыталась выиграть разговор раньше, чем он успел разобраться.

Иногда это занимало больше времени. Зато приёмщик перестал защищаться и снова открыл историю заказа.

— Давайте посмотрим. Запись звонка у нас есть, но она в другой системе. Я сейчас отсюда её не подниму.

— Сегодня вообще можно послушать?

— Через руководителя, скорее всего. В субботу — не уверен.

— А что вы сами видите?

— Вижу звонок. Вижу согласование колодок. По профилактике стоит рекомендация.

Лариса вздохнула.

— То есть пока мы оба не знаем, говорили мне про эти деньги или нет.

Приёмщик помолчал.

— Получается так.

— Уже легче.

Он улыбнулся.

Внизу первой страницы была длинная фраза мелким шрифтом. Лариса наклонилась ближе.

— А вот здесь у вас написано, что дополнительные работы выполняются после согласования с заказчиком.

Приёмщик тоже посмотрел.

— Да.

— Значит, я не придумываю?

— Нет.

— Хорошо.

Мне опять захотелось вмешаться. Теперь всё выглядело совсем просто: их собственный документ, отдельного согласования нет, запись звонка недоступна. Следующий шаг — старший смены и снятие спорной суммы. Если начнут объяснять, что работа уже выполнена, вернуть разговор к процедуре. Я уже видел, куда нажимать и кого звать.

Обычно я объяснял эту свою скорость заботой. И не врал. Но не только поэтому мне хотелось решить чужую проблему. Мне просто нравилось, когда рядом возникала задача, которую я мог быстро разобрать на части и закончить раньше хозяина.

Лариса тем временем спросила:

— А старые детали можно посмотреть?

Приёмщик удивился.

— Какие?

— Ну те, которые вы поменяли. Пружины, скобы... Я правильно называю?

— Да. Только их могли уже выбросить.

— Если выбросили — ладно. А если нет, принесите, пожалуйста. Мне хочется понимать, за что мы сейчас разговариваем.

Он несколько секунд смотрел на неё, потом снял трубку внутреннего телефона.

— Сейчас узнаю.

Пока он говорил с мастером, девочка у кофейного автомата ещё раз нажала кнопку.

— Там воды нет, — сказал ей отец.

— Я вижу.

— Тогда чего нажимаешь?

— Проверяю.

Я улыбнулся. Лариса заметила.

— Что?

— Ничего.

— У тебя на лице всё написано.

— Я молчу.

— Лицо — нет.

Приёмщик ушёл в ремзону.

Мы остались у стойки вдвоём. Из боксов на несколько секунд потянуло холодным воздухом — открылись ворота, и большой серый седан медленно выехал задним ходом.

— Я бы уже старшего позвал, — сказал я.

— Я знаю.

— И запись звонка попросил.

— Знаю, Максим.

Я хотел добавить ещё что-то, но она посмотрела на меня.

— Если понадобится — скажу.

— Хорошо.

Вот это «хорошо» далось мне чуть труднее, чем должно было.

Приёмщик вернулся вместе с мастером. Тот был старше — лет сорока пяти, может, пятидесяти. На тёмной форме серой пылью лежали следы работы, в одной руке он держал прозрачный пакет.

Внутри были потемневшие пластины, пружины и ещё несколько металлических деталей. В углах пакета собралась чёрная маслянистая грязь, на кромках проступала рыжая коррозия.

— Вот, — сказал мастер. — Не всё уже нашёл. Это передний комплект.

Лариса взяла пакет двумя пальцами.

— Это точно с моей машины?

— Я сам снимал.

— Совсем плохие?

Мастер посмотрел на детали.

— Я бы назад не ставил.

— А если бы оставили?

— Могли бы скрипеть, подклинивать. Смысла нет. Раз уж разобрали — менять.

Лариса слушала внимательно. Разговор на минуту перестал быть про деньги. Теперь ей просто хотелось понять, что было с машиной.

— А вот эти три шестьсот за обслуживание — это что именно?

Мастер начал объяснять: посадочные места вычистили, направляющие разобрали и смазали, одна ходила туго. Говорил коротко, руками показывал охотнее, чем словами. Железо было его территорией. Там деталь либо ходит, либо нет.

Когда он закончил, Лариса повернулась ко мне.

— Максим, теперь твои пять минут славы. По-человечески: это правда надо было делать?

— Да.

— Всё?

— Старый комплект я бы не оставлял. И если направляющая реально тугая — обслуживать надо.

— Спасибо.

— Могу подробнее.

— Не надо.

Мастер усмехнулся. Я вернул ей пакет и на этот раз ничего не добавил.

— Значит, по работе вопросов нет? — спросил приёмщик.

— По работе — нет, — ответила Лариса. — Вы меня правильно поймите: я не хочу сейчас делать мастера крайним. Он увидел проблему и, похоже, сделал всё как надо. Мне не нравится другое — что цену я узнаю уже после ремонта.

Мастер кивнул.

— Это не ко мне.

— Я понимаю.

— Тогда я пойду?

— Конечно. Спасибо, что пришли.

Он ушёл обратно в бокс почти с облегчением.

Приёмщик посмотрел на очередь.

— Давайте я старшего смены позову. Сам я сумму менять не могу.

— Давайте.

Ждать пришлось дольше, чем хотелось. Я сел на диван у окна. На столике лежали автомобильные журналы. На обложке одного огромный чёрный внедорожник стоял на фоне гор, а ниже обещали рассказать, «почему настоящий премиум начинается с характера». Я открыл журнал, посмотрел пару страниц и понял, что читать не хочется.

За стеклом шёл обычный рабочий день. Мастер, с которым мы только что разговаривали, уже стоял у другой машины и что-то показывал молодому парню. Тот светил фонариком за тормозной диск. По полу тянулись шланги и кабели, люди привычно переступали через них.

Лариса осталась у стойки. Держала сумку на плече, перечитывала документы, потом достала телефон и кому-то ответила.

Я вдруг вспомнил, что после сервиса у неё день не заканчивается. У неё ещё встречи, свои дела, люди, которым она обещала приехать. Я знал примерно, куда она собирается, но почему-то до этого смотрел на всё так, будто главным событием субботы сейчас был наш спор на четыре тысячи восемьсот сорок.

Я снова открыл журнал.

— Ты там машину выбираешь? — спросила Лариса.

— Смотрю.

Она глянула на разворот.

— Вижу. Картинки большие.

— Очень содержательный материал.

— Не отвлекаю.

Она снова вернулась к телефону.

Девочка у автомата тем временем получила от отца бутылку воды и сто рублей.

— Выбирай что-нибудь другое.

Она подошла к стойке со сладостями, долго смотрела на две одинаковые на мой взгляд шоколадки и наконец взяла одну.

— Вот эту? — спросил отец и потянулся к ней.

Девочка убрала шоколадку за спину.

— Я уже выбрала.

Я машинально посмотрел на Ларису. Она заметила.

— Что?

— Ничего.

— Вот и хорошо.

Старший смены появился минут через семь. Невысокий, с коротко остриженными седыми волосами, в тёмно-синем джемпере поверх рубашки. Представился Андреем Павловичем. Ларисе пожал руку, мне кивнул и сразу встал к монитору.

— Так. Колодки согласованы. Профилактика и комплект стоят рекомендацией. Отдельного согласования суммы я не вижу.

— Вот и я не вижу, — сказала Лариса.

— Но работу сделали. Старые детали вам показали?

— Да.

— По технической части есть претензия?

— Нет. Я вообще не хочу спорить о технической части. Я хочу понять, почему мне сначала называют одну сумму, а после ремонта — другую.

Андрей Павлович ещё раз посмотрел в монитор.

— Тут соглашусь: доплату должны были подтвердить отдельно.

Мне уже хотелось сказать: отлично, тогда снимайте.

Я промолчал.

— Что вы можете сделать сейчас? — спросила Лариса.

— Работу по профилактике сниму. Три шестьсот. Комплект оставим — он установлен, старый действительно менять надо. По записи звонка оформим обращение. В понедельник руководитель поднимет разговор, если нужно.

Лариса замолчала.

Я тем временем уже собрал следующий ход. Почему комплект остаётся, если они сами не видят согласования? Кто может снять всю сумму? Почему отсутствие этого человека в субботу должно становиться проблемой клиента? Можно ли оставить спорную часть неоплаченной до понедельника? В крайнем случае — не закрывать выдачу, пока не решат.

— А полностью убрать сумму нельзя? — спросила Лариса.

— Я сегодня не сниму комплект, — ответил Андрей Павлович. — Не буду вам обещать то, на что у меня нет полномочий.

— А руководитель?

— В понедельник.

— И если запись покажет, что мне эти деньги не называли?

— Тогда уже с ним решите возврат.

Лариса посмотрела на часы, потом на пакет со старыми деталями и за стекло, где у выхода стояла её машина.

— Ладно. Давайте так. Работу снимаете. За детали я сейчас заплачу. Но напишите здесь, что вопрос именно в несогласованной стоимости, а не в том, что я отказываюсь признавать сделанный ремонт. И запись звонка всё равно проверьте.

Я отложил журнал.

— Подожди. Зачем вообще платить до записи? Они же сами говорят, что согласования нет.

Лариса посмотрела на меня.

— Максим, я услышала.

— Но тысяча двести сорок тоже деньги.

— Конечно.

— Тогда тем более.

— Я не хочу ещё час сидеть здесь из-за тысячи двухсот сорока рублей.

— Часа не будет.

— Откуда ты знаешь?

Я уже открыл рот.

Лариса чуть улыбнулась.

— Вот. Уже считаешь за них.

Андрей Павлович тактично занялся монитором.

Лариса подошла ко мне ближе.

— Мне эти деньги тоже жалко. Правда. Но детали стоят в моей машине. Они нужны — ты сам сказал. Работу они снимают. Запись проверят. А я хочу забрать машину, выпить с тобой кофе и успеть всё, что собиралась сегодня сделать. Я не хочу ещё час тратить на то, чтобы обязательно выиграть этот спор до последнего рубля.

Сказала тихо, только мне.

Я бы всё равно дождал. Почти наверняка. И именно поэтому мне было трудно принять, что она не собирается делать так же.

— Хорошо, — сказал я.

Лариса посмотрела внимательнее.

— Только не так, будто ты разрешил.

Я усмехнулся.

— Понял.

— Вот это лучше.

Она вернулась к стойке.

— Тогда снимаем работу, комплект оставляем, обращение фиксируем, — сказал Андрей Павлович.

Приёмщик сел за компьютер. Клавиши тихо застучали, принтер щёлкнул и начал вытягивать бумагу. За стеклом открылись ворота, в бокс ворвался серый дневной свет, стали видны мокрые следы шин и брызги на нижней части ворот. Потом створка снова опустилась.

Новый заказ-наряд вышел из принтера тёплым.

Лариса взяла его.

— Секунду.

Приёмщик уже протянул ручку, но она читала. Не искала одну строку — читала весь лист. Иногда это меня раздражало. Иногда именно поэтому она находила то, что я пропускал.

— Работу сняли. Комплект остался. Хорошо. А где отметка про обращение?

— Сейчас бланк дам.

— А можно прямо здесь? Чтобы потом не выяснять, что я сегодня говорила одно, а в понедельник у нас совсем другая история.

Андрей Павлович кивнул.

— Можно. Напиши.

Приёмщик взял ручку.

— «Клиент не согласен с дополнительными работами...»

— Нет, подождите. Я же не говорю, что работа была не нужна.

— Тогда как написать?

Лариса подумала.

— Напишите проще: «Клиент не подтверждает согласование дополнительной стоимости. Просит проверить запись звонка».

Приёмщик написал.

Лариса прочитала ещё раз, поставила подпись и приложила карту к терминалу.

Аппарат несколько секунд думал, потом пискнул. На экране появилось зелёное «ОДОБРЕНО».

Приёмщик собрал документы в прозрачную папку, взял ключи и протянул их мне.

Я тоже уже протянул руку.

Получилось почти одновременно. На полпути мы оба остановились.

Приёмщик посмотрел на меня, потом на мою руку, потом на Ларису.

Я убрал ладонь.

Лариса рассмеялась.

— Вы серьёзно?

Приёмщик смутился и сразу перевёл ключи к ней.

— Привычка. Извините.

— Ничего.

Она забрала ключи. Синяя бирка качнулась и тихо ударилась о кольцо на её пальце.

На улице было прохладно и влажно. После тёплой приёмки воздух сразу прошёл под куртку. От асфальта пахло дождём, вдоль бордюра стояли узкие лужи.

Ларисина машина ждала у выезда. На тёмном кузове ещё держались мелкие капли, под дворником торчал бумажный номерок.

Лариса подошла к переднему колесу и присела.

— Что ты там увидишь? — спросил я.

— Не знаю.

— Тогда зачем смотришь?

Она посмотрела на диск.

— Хочу посмотреть на то, за что только что заплатила.

— Колодки всё равно почти не увидишь.

Лариса подняла голову.

— Максим.

— Всё, молчу.

Она выпрямилась.

В салоне пахло чистящим средством, резиной и немного чужими руками. Руль был протёрт, на полу лежал бумажный коврик с напечатанными следами ботинок. Лариса сняла его, сложила пополам и убрала назад.

Потом села за руль. Я устроился рядом.

Она завела двигатель, зачем-то несколько секунд послушала его, хотя к двигателю сегодня никто не прикасался. Потом нажала педаль тормоза. Ещё раз. Посмотрела на приборную панель.

— Ну?

— Что «ну»?

— Нормально?

— Пока нормально.

Она включила передачу и медленно выехала с места. Перед шлагбаумом остановилась чуть раньше обычного. Машина мягко присела на переднюю ось. Никакого скрипа. Я машинально отметил, что педаль нормальная и машину никуда не тянет, но вслух ничего не сказал.

Шлагбаум не открылся. Лариса опустила стекло и нажала кнопку связи.

— Да? — прохрипел динамик.

— Выпустите нас, пожалуйста. Машину забрали.

— Номер?

Она назвала. Шлагбаум медленно пошёл вверх.

На улице машин было много. После дождя красные стоп-сигналы растягивались на мокром асфальте, вдоль дороги тянулись тёмные деревья. Дворники прошли по стеклу один раз, второй и оставили перед нами чистый прямоугольник города.

Лариса открыла бардачок и убрала документы.

— Сфотографируй заказ, — сказал я. — На всякий случай.

— Уже.

— Когда успела?

— Пока ты журнал изучал.

— Там машина была интересная.

— Я не сомневалась.

Она остановилась на светофоре.

Я помолчал.

Потом всё-таки сказал:

— Тысячу двести сорок жалко.

Лариса улыbnулась, не отрываясь от дороги.

— Я знаю.

— Я бы вернул.

— Тоже знаю.

— Полностью.

Она повернула голову.

— Максим.

— Всё. Закончил.

Загорелся зелёный.

Через квартал она перестроилась вправо.

— Кофе? — спросила Лариса.

— Да.

— Только нормальный. Не тот, который ты потом весь день будешь вспоминать.

— Я один раз сказал, что у них пережарено зерно.

— Ты сказал это бариста.

— Он спросил.

— Он спросил: «Вам понравилось?»

— Нельзя задавать вопросы, если не готов к ответу.

Лариса рассмеялась.

Впереди показалась маленькая кофейня рядом с магазином. На мокром тротуаре под навесом стояли два убранных на осень столика. У входа женщина придерживала дверь ребёнку, и изнутри на секунду вырвался тёплый свет.

— И батарейки не забудь, — сказала Лариса.

— Какие?

Она медленно повернула голову.

— Пальчиковые.

— АА?

— Да.

— Щелочные?

— Максим...

— Всё. Понял.

Мы припарковались.

Кофе взяли с собой. Через несколько минут я стоял у стеллажа в магазине и держал два бумажных стаканчика, пока Лариса выбирала батарейки.

Упаковок оказалось неожиданно много: обычные, усиленные, «ультра», «макс», «про», с зайцами, молниями и обещаниями работать чуть ли не до конца цивилизации.

Лариса взяла одну упаковку, прочитала, вернула. Взяла другую.

Я уже открыл рот.

Она, не поворачивая головы, подняла указательный палец.

Я отпил кофе.

Не надо чинить

Курс я нашёл случайно. Вечером искал статью про одну библиотеку, перешёл по ссылке, потом ещё по одной, задержался на чужом примере кода и через какое-то время обнаружил себя на странице с программой обучения.

За окном уже стемнело. Сентябрь в этом году пришёл как-то незаметно: без резкого холода и без красивого листопада. Просто однажды вечерами из открытого окна стало тянуть сыростью, стекло начало остывать раньше комнаты, и настольная лампа почему-то стала казаться теплее.

На столе лежала раскрытая тетрадь. Я успел выписать несколько тем: Python, базы данных, API, машинное обучение. Часть слов была знакома, часть пока почти ничего мне не говорила. От этого было только интереснее.

Лариса несколько раз проходила мимо, занятая своими делами. Весь вечер она разбирала луковицы тюльпанов, которые хотела успеть высадить до холодов. На руках у неё была земля, на одном пальце тёмная полоска. В очередной раз она остановилась у окна, прикрыла створку и посмотрела на мой экран.

— Опять что-то нашёл?

— Пока смотрю.

Она наклонилась к тетради.

— Это вообще по-русски?

— Местами.

— Тогда удачи.

И ушла на кухню.

Там уже лежали бумажные пакеты с её подписями: «белые», «красные», «ранние». Один был честно подписан: «не знаю, посмотрим». Я посмотрел на него и подумал, что система, в общем, рабочая.

Страница курса была сделана хорошо: программа, преподаватели, отзывы, расписание, большая кнопка оплаты. Цена была нормальной. Деньги меня как раз почти не беспокоили. Гораздо сложнее было понять, куда ещё втиснуть несколько часов в неделю. Я и без того умел набить день так, что вечером иногда сам не понимал, куда он делся.

Но программирование тянуло меня давно.

Ещё до взрослых работ, должностей и совещаний были паяльник, радиодетали, журналы со схемами и очень понятная радость от того, что мёртвая коробка вдруг начинает делать то, что ты задумал. Потом появился университет, первая работа, вентиляция, проекты, люди, ответственность. Всё стало большим и настоящим, а эта старая штука никуда не делась.

Последние месяцы я всё чаще открывал вечером какой-нибудь пример «на десять минут» и через два часа обнаруживал себя среди скобок, ошибок и библиотек с названиями, похожими на фамилии американских сенаторов. Иногда что-то получалось, чаще — нет. Но это было хорошее «не получается». Там хотя бы было понятно, что делать дальше: искать.

Я ещё раз просмотрел программу и уже собирался нажать оплату, когда зазвонил телефон.

Мама.

Она всегда начинала издалека. Спросила, как мы, рассказала, что у них третий день дождь, хотя у нас он шёл первый, потом про соседку, которая опять что-то выставила в общий коридор, потом про аптеку, где зачем-то переставили витрины.

Минут через десять она спросила:

— А ты чем занят?

— Курс смотрю.

— Какой ещё курс?

Я рассказал.

На том конце появилась короткая пауза.

— Максим, а тебе это зачем?

— Интересно.

— Интересно — хорошо. Но у тебя работы мало?

— Работы достаточно.

— Вот именно. Ты весь день за компьютером. Теперь ещё вечером будешь сидеть?

Я усмехнулся.

— Видимо.

— Я бы на твоём месте лучше отдыхала.

Звучало вполне разумно. Можно было ответить: «Может быть». Потом спросить про их погоду и спокойно закончить разговор.

Вместо этого я почему-то начал объяснять.

Сначала рассказал, что программирование давно стало не отдельной профессией, а инструментом. Потом заговорил про автоматизацию, данные, искусственный интеллект, новые продукты. Зачем-то уточнил, что завтра увольняться и устраиваться младшим программистом не собираюсь.

Мама слушала и время от времени вставляла своё:

— Ну не знаю.

А я объяснял всё подробнее. Рассказал, сколько длится курс, кто преподаёт, сколько часов в неделю нужно заниматься. Открыл отзывы. Добрался даже до сертификата, который ещё полчаса назад вообще меня не интересовал.

— По-моему, ты опять распыляешься.

Слово было обычное.

Но я сразу его узнал.

На секунду перед глазами возник университетский коридор: потёртый линолеум, одинаковые двери, какие-то бумаги у меня в руках. Я ещё толком не понимал, куда и зачем иду, а мама рядом говорила гораздо увереннее, какая специальность перспективнее и что нужно делать дальше.

Потом почему-то вспомнился уже другой кабинет — моя первая работа, старый стол и разговоры про вентиляцию, в которой я тогда понимал примерно столько же, сколько сейчас в половине тем из программы курса.

И ведь трудно было сказать, что всё это закончилось плохо. Университет я закончил. Вентиляция стала профессией. Я многому научился, встретил сильных людей, сделал вещи, которыми до сих пор горжусь.

Наверное, поэтому мамины советы и не проходили мимо.

Где-то за много лет я привык к простой вещи: если она уверена, что надо так, мне проще либо согласиться, либо объяснить, почему я всё-таки сделаю иначе.

— Я тебя всё-таки лучше знаю, — сказала мама.

Я посмотрел на тетрадь. Рядом лежала ручка, которой было написано «машинное обучение».

И вспомнил совсем другой разговор — когда сказал маме, что решил жениться на Ларисе.

Слова почти стёрлись. Почему-то запомнилось окно, серый свет и потом несколько месяцев, когда мы почти не разговаривали.

Тогда всё у меня получилось слишком крупно. Либо отступить. Либо сделать по-своему и сразу закрыть дверь.

Я не отступил.

— Ты меня вообще слушаешь? — спросила мама.

— Слушаю.

— Тогда зачем спрашивать, если всё равно сделаешь по-своему?

Я посмотрел на ноутбук.

И только тут понял, что ничего не спрашивал.

Я просто рассказал ей про курс. А потом сам же начал защищать своё решение так, будто действительно просил разрешения.

— Мам, давай завтра договорим.

— А что тут договаривать? Делай как хочешь.

Эту фразу я тоже знал давно.

После неё всегда хотелось срочно что-нибудь исправить. Смягчить, пошутить, объяснить ещё раз — лучше, понятнее, так, чтобы голос снова стал обычным.

Я даже открыл рот.

Потом закрыл.

— Хорошо. Завтра позвоню.

Мы попрощались.

Экран ноутбука за время разговора погас. Я коснулся мышки, программа курса снова появилась. Несколько секунд смотрел на кнопку оплаты, потом закрыл крышку.

Не потому, что передумал. Просто на сегодня хватило.

На кухне Лариса всё ещё раскладывала луковицы по пакетам. Я поставил чайник и кивнул на её «не знаю, посмотрим».

— Вот это, кстати, самый научный подход.

— Самый надёжный.

— На курс пока не записался.

— Значит, завтра.

И продолжила писать на пакете.

Она не спросила, что сказала мама. Не стала разбирать наш разговор и объяснять мне, где чьи границы. Просто сидела рядом, стряхивала землю с пальцев и иногда прищуривалась, читая мелкую надпись на упаковке.

За окном дождь стал сильнее. Вода стекала по стеклу, фонарь во дворе расплылся в длинную жёлтую полосу. Чайник зашумел и щёлкнул.

Я налил чай и ещё раз посмотрел на пакеты.

«Белые».

«Красные».

«Ранние».

«Не знаю, посмотрим».

Некоторые вещи у Ларисы были устроены проще, чем у меня.

* * *

Ночью дождь закончился.

Дом затих, и только с крыши время от времени падала тяжёлая капля. Я долго не мог уснуть, а потом шум воды незаметно превратился в шорох бумаги.

Я ехал по дороге.

На пассажирском сиденье лежала большая старая карта — из тех, что раньше продавались на заправках. Сложенный в несколько раз лист, который всегда раскрывается не туда и занимает половину салона.

По карте шла синяя линия. Начиналась далеко позади и удивительно точно совпадала с дорогой. Города, мосты, развязки — всё было нанесено. Некоторые места казались знакомыми.

Навигатор говорил спокойно, заранее предупреждал о поворотах и советовал держаться то правее, то левее. Я почти не смотрел на экран.

Дорога поднялась между холмами. Впереди показался длинный спуск, и вдруг синяя линия закончилась.

Я решил, что плохо развернул карту.

Остановился. Расправил её на руле, потом на соседнем сиденье. Вышел из машины и разложил на капоте.

Нет.

Дальше бумаги не было.

Не белое пятно, не пропущенный кусок. Просто край листа.

А дорога продолжалась.

Она спускалась с холма в темноту и где-то далеко снова поднималась. По ней ехала машина — два маленьких красных огонька медленно удалялись.

— Развернитесь, — сказал навигатор.

Я сел обратно и проехал немного вперёд.

— Развернитесь при первой возможности.

Ещё через минуту:

— Выполните разворот.

Я остановился.

Сзади всё было подробно: названия, расстояния, повороты. Можно было вернуться хоть сейчас.

Впереди был только кусок дороги в свете фар.

Я ещё раз посмотрел на карту.

Она была хорошая. По ней я действительно доехал сюда.

Просто дальше её не было.

Я сложил лист по старым сгибам и положил на соседнее сиденье.

Навигатор снова предложил развернуться.

Я убавил звук.

Не выключил.

Просто сделал тише.

И поехал вниз.

Сначала медленно. На каждом повороте хотелось снова посмотреть на экран, хотя экран уже ничего не показывал. Потом перестал.

Фары выхватывали асфальт, белую линию и редкие столбики у обочины.

Этого хватало, чтобы ехать.

Где-то впереди щёлкнул поворотник.

Щёлк.

Ещё раз.

Звук стал громче.

Я открыл глаза.

На кухне включился чайник — Лариса уже встала. За окнами было серое чистое утро после дождя. На стекле ещё держались отдельные капли.

Я сделал кофе, открыл ноутбук и снова посмотрел программу курса.

На этот раз не собирал аргументы. Просто читал.

Мне всё ещё было интересно.

Я нажал кнопку оплаты.

Банк попросил подтверждение, телефон коротко завибрировал, и через минуту на почту пришло письмо с доступом к первому модулю.

Маме я позвонил после завтрака.

Она ответила не сразу. Мы опять начали с погоды. Потом она сама спросила:

— Ну что, решил?

— Да. Записался.

В трубке стало тихо.

А у меня внутри уже привычно начал собираться длинный ответ: почему это полезно, почему я успею, зачем мне это вообще нужно.

Я его не сказал.

— Я так и знала, — сказала мама. — Ты всё равно всегда делаешь по-своему.

Раньше я бы наверняка начал спорить уже с этой фразой.

Теперь только подумал: ну да.

По-своему.

— Мам, давай так, — сказал я. — Если я спрошу — советуй. Я правда слушаю. Но если просто рассказываю, не надо сразу решать за меня, как будет правильное.

Она сразу напряглась.

— Я за тебя ничего не решаю.

— Иногда решаешь.

— Я тебя, между прочим, всю жизнь только поддерживала.

— Я знаю.

— Тогда что ты мне сейчас предъявляешь?

Вот тут старое желание всё немедленно сгладить вернулось целиком. Хотелось сказать, что я ничего такого не имел в виду, поблагодарить за университет, напомнить, что профессия у меня сложилась, перевести разговор в более безопасное место.

Но тогда опять получилось бы, что прежде чем сказать своё, надо сначала всё вокруг починить.

— Ничего не предъявляю, — сказал я. — Просто не надо чинить мою жизнь каждый раз, когда она идёт не туда, куда пошла бы ты.

Мама молчала.

Дольше, чем мне нравилось.

— Ну и учись.

Тепла в голосе не было.

Но разговор не закончился.

Через пару минут мы уже обсуждали что-то совсем бытовое. Перед тем как положить трубку, она спросила:

— И сколько этот курс идёт?

— Полгода.

— Долго.

— Нормально.

— Ну, посмотрим, что у тебя получится.

— Мне самому интересно.

На этом мы попрощались.

Я ещё некоторое время держал телефон в руке.

Никакой победы не было. И облегчения особенного тоже.

Просто разговор закончился иначе, чем обычно.

Я открыл первый урок.

Преподаватель говорил спокойно и почему-то очень быстро. Через десять минут на экране появилась первая ошибка — длинная красная строка почти во всю ширину.

Я перечитал её два раза, нашёл пропущенную скобку и исправил.

Программа заработала.

Из кухни Лариса крикнула:

— Ну что там?

— Уже сломал.

— Быстро ты.

Я засмеялся и снова повернулся к экрану.

Вот это я как раз мог чинить сколько угодно.

Сегодня за мой счёт

Антон выбрал ресторан в старом доме недалеко от бульвара. Я приехал раньше и сел у окна. Дождь закончился совсем недавно. Асфальт под фонарями был тёмный, мокрый, машины проходили по нему почти беззвучно. На стекле ещё держались отдельные капли и медленно сползали вниз.

Внутри было тепло. С открытой кухни пахло свежим хлебом, пряностями и мясом с углей. За спиной звенели бокалы, кто-то громко смеялся, официанты всё время проходили между столами. Через несколько минут я перестал это замечать.

Антон я увидел ещё через стекло. Он шёл быстро, одной рукой застёгивал пальто, другой держал телефон. У входа остановился, договорил, убрал трубку в карман и только тогда заметил меня.

— Максим, здравствуйте.

— Привет.

Мы пожали руки.

В памяти Антон почему-то всё ещё оставался тем худым молодым человеком, который впервые пришёл устраиваться ко мне в единственном костюме. Костюм сидел на нём слишком серьёзно, будто его действительно выдали вместе с профессией. В первые месяцы Антон страшно боялся ошибиться и поэтому часто делал всё два раза: сначала быстро, потом правильно. Если заходил ко мне со словами «быстро посмотреть один вопрос», можно было сразу освободить полчаса.

Теперь напротив сидел взрослый мужчина. Не старый, конечно, но уже без той молодой поспешности во всём лице. Он снял пальто, посмотрел на меня и сказал:

— Вы вообще не изменились.

— Значит, плохо смотришь.

— Нет. Просто раньше мне казалось, что вы очень старый.

Я откинулся на спинку стула.

— Спасибо. Хорошо начали.

Он засмеялся.

Официант принёс меню. Мы минуту делали вид, что внимательно его изучаем, потом Антон предложил заказать несколько блюд на стол и не усложнять. Я согласился.

Сначала пошло обычное: кто где работает, кто переехал, кто женился, кто развёлся, у кого сколько детей, кого давно не видели. Когда несколько лет не встречаешься, сначала приходится быстро восстановить общую картину мира.

Потом принесли горячий хлеб, и разговор наконец перестал быть обменом справками.

Антон показал фотографию дочери. Ей было семь. На снимке она сидела на полу среди фломастеров и рисовала огромную фиолетовую лошадь. Голова у лошади получилась почти человеческая, грива занимала половину листа.

— Почему фиолетовая? — спросил я.

Антон улыбнулся.

— Я тоже спросил.

— И?

— Минут десять слушал, что взрослые ничего не понимают в лошадях.

— Правильно.

Он ещё раз посмотрел на фотографию.

— Очень умная. Иногда пугает.

Потом рассказывал, как она сама подстригла себе чёлку, как спрятала дневник из-за четвёрки и как однажды объявила, что он неправильно складывает носки. Я слушал и всё никак не мог совместить этого отца семилетней девочки с молодым специалистом, который когда-то стоял у меня в кабинете с распечаткой и ждал решения.

Странная всё-таки вещь — время. Ты вроде ничего специально не пропускаешь, а потом человек, которого помнишь мальчишкой, показывает тебе фотографию своей дочери.

Мы вспомнили старый офис. Не проекты — они давно перемешались между собой, — а людей и всякую ерунду. Банку горчицы, которую кто-то полгода хранил в общем холодильнике и охранял как семейную реликвию. Письмо заказчику, в котором забыли удалить внутренний комментарий. Антона, однажды пришедшего на работу в разных ботинках.

— Не было такого.

— Было.

— Вы сейчас сочиняете.

— У меня свидетели есть.

— Кто?

Я назвал фамилию.

Антон задумался.

— Ладно. Тогда было.

Мы смеялись громко и довольно глупо. Женщина за соседним столом один раз обернулась. Мы попробовали говорить тише и через минуту опять забыли.

Еда постепенно исчезала со стола. Разговор уходил назад, потом возвращался в сегодняшний день: дети, поездки, машины, книги, общие знакомые. Антон рассказал немного про своё дело — не как на презентации и не как человек, который пришёл за советом. Просто рассказывал.

В одном месте я уже почти начал предлагать решение, но он сам объяснил, что собирается делать дальше. Я закрыл рот и продолжил слушать.

Вечер получался хороший.

И, что для меня оказалось непривычно, от меня в нём ничего не требовалось.

Никому не надо было помогать. Ничего не надо было решать. Можно было просто есть горячий хлеб, спорить о фиолетовых лошадях и вспоминать разные ботинки.

Позже принесли чай. За окном бульвар стал темнее, прохожих почти не осталось. Стекло высохло. Антон посмотрел на часы, но никуда не торопился.

— А вы помните, как я к вам устраиваться пришёл?

— Смутно.

— В костюме.

Я посмотрел на него.

— У тебя был костюм?

— Вот именно. Единственный раз в жизни. Мама заставила надеть.

— Значит, поэтому я тебя и взял. Испугался.

Он снова засмеялся.

Официант подошёл почти незаметно и положил папку со счётом между нами.

Я протянул руку скорее автоматически.

Антон положил ладонь сверху.

— Сегодня за мой счёт.

Сначала я подумал, что он шутит.

— С чего это?

— Я пригласил.

— И что?

— И всё.

Я потянул папку к себе. Он не отпустил.

— Антон, давай не будем.

— Вот именно. Не будем.

— Пополам.

— Нет.

Сказал спокойно, без улыбки.

Ещё минуту назад мы обсуждали его дочь и старый офис, а теперь между нами лежала папка со счётом, и у меня внутри уже что-то начало перестраиваться.

Не сумма. На неё я даже толком не посмотрел.

Скорее сам факт.

Зачем он платит?

Сразу полезло прошлое: первая работа, советы, какие-то разговоры, помощь. Всё то, что до этой минуты спокойно лежало себе в памяти и никакого расчёта не требовало.

— Если это за что-то из прошлого...

Антон поморщился.

— Максим, не портите хороший вечер.

Я уже хотел возразить, но он подозвал официанта.

— Я просто хотел вас угостить. Можно?

Вот тут стало совсем трудно продолжать спор.

— Можно.

Терминал пискнул. Официант забрал папку, Антон убрал карту, и через минуту мы уже стояли у гардероба.

На улице пахло мокрыми листьями, холодным камнем и бензином. После ресторана воздух показался резким. Я застегнул куртку. До перекрёстка дошли вместе. Там наши машины стояли в разные стороны.

Антон протянул руку.

— Спасибо, что приехали.

— Тебе спасибо.

Я уже собирался добавить:

«Следующий раз мой».

Фраза была совершенно готова.

Я её не сказал.

Антон даже не заметил.

— Давайте теперь не через три года.

— Давай.

Он ушёл к парковке.

Я сел в машину, закрыл дверь и какое-то время просто сидел. На стекле изнутри появился лёгкий туман. Двигатель тихо работал на холостых.

Телефон лежал в подстаканнике.

Я взял его.

Банковское приложение открылось быстро. Антона нашёл по номеру. Сумму счёта я видел краем глаза и примерно помнил. Половину посчитать было несложно.

Ввёл перевод.

В сообщении написал: «За ужин».

Получалось аккуратно. Никто никому ничего.

Палец завис над кнопкой.

И тут я вспомнил, сколько раз сам делал ровно то же самое, что Антон сегодня.

Отодвигал чужую карту.

Говорил: «Убери».

Платил за младших коллег, за знакомых, за человека, которому просто был рад.

И ни разу потом не ехал домой с мыслью, что теперь этот человек мне что-то должен.

Мне было приятно заплатить.

Вот и всё.

Я посмотрел на экран.

Когда платил я, никакой сложной системы в этом не было. А когда заплатили за меня, она почему-то появилась сразу.

Я стёр сумму.

Экран стал пустым.

По дороге домой открыть приложение захотелось ещё дважды. На длинном светофоре я даже придумал вполне приличное объяснение: зачем человеку тратить лишнее, если можно поделить?

Вроде бы забота.

Я усмехнулся и убрал телефон подальше.

Дома было тихо. Лариса уже спала. В коридоре горел маленький ночник, на кухне стояла чашка с чайным пакетиком внутри. Я налил воды и сел у окна.

И почему-то вспоминался не счёт.

Фиолетовая лошадь.

Антонов единственный костюм.

Разные ботинки.

Мокрый бульвар.

Горячий хлеб, который мы ломали руками.

Я открыл переписку.

«Спасибо за вечер. Было хорошо».

Ответ пришёл почти сразу:

«И мне. Повторим».

Я набрал:

«Следующий за мной».

Посмотрел на фразу.

Стер.

Написал:

«Договорились».

И положил телефон экраном вниз.

На следующий день ничего не произошло.

Ни просьбы.

Ни звонка по делу.

Ни сообщения, после которого можно было бы сказать себе: ну вот.

Только ближе к обеду Антон прислал фотографию той самой фиолетовой лошади.

Под ней было написано:

«Дочь сказала, что вы всё равно ничего в них не понимаете».

Я рассмеялся.

Ответил:

«Передай, что я смирился».

Убрал телефон в карман.

Вчерашний счёт так и остался вчера.

А вечер — почему-то нет.

Тихая дверь

Сообщение пришло, когда я уже спустился в паркинг. Я шёл к машине, держа под мышкой ноутбук и папку, которую собирался передать на встрече, и по привычке открыл телефон ещё до того, как сработал датчик света над моим рядом. Белые лампы загорелись одна за другой, вытаскивая из полумрака бетонные колонны, блестящие крыши машин и длинные мокрые следы от колёс.

«Максим, добрый день. Сегодня не получится. Перенесём на следующую неделю. Извините».

Я остановился. Встреча должна была занять вторую половину дня. Не самая важная в жизни, но из тех, под которые всё равно освобождаешь несколько часов: доехать, поговорить, посмотреть то, что человек так хотел показать лично, потом выбраться обратно через город. Теперь ничего этого не было. Я посмотрел в календарь. После обеда — пусто. Следующее обязательное дело начиналось только ближе к вечеру. Несколько свободных часов посреди рабочего дня выглядели почти неприлично.

Сначала я обрадовался самому пустому месту между двумя строками. После обеда — ничего. Никто не ждал моего решения, никто не написал «срочно», ничего не горело. Я сел в машину и положил папку на соседнее сиденье. За бетонной стеной паркинга стоял обычный сентябрьский день. С утра прошёл дождь, потом облака разошлись, и теперь мокрый город блестел на солнце. Домой было минут двадцать пять. До прудов от дома — ещё меньше.

Я подумал об этом сразу. Не о спорте и не о прогулке для здоровья. Не о том, что надо «переключиться» или «перезагрузиться». Хотелось просто туда. К воде. Купить кофе у маленького киоска возле парка, пройти вдоль берега и посидеть там, где через камыш видно середину пруда. Без ноутбука. Без звонков. Может быть, вообще недолго. Когда-то у Прохора вопрос «что ты хочешь?» мог испортить мне полдня. А здесь ответ был готов раньше, чем я успел его усложнить.

Хочу к воде.

Я выехал из паркинга. Через десять минут идея уже стала выглядеть разумнее. Сначала домой. Оставить ноутбук и папку. Всё равно не таскаться же с ними по парку. Заодно можно ответить на письмо Сергея — там действительно на пять минут. Потом переодеться, взять лёгкую куртку и идти.

Всё.

Я специально произнёс это про себя: всё. Навигатор вёл через знакомые улицы. После дождя разметка была особенно белой, деревья вдоль дороги уже начали желтеть сверху, а в глубоких лужах у бордюров перевёрнутыми домами лежали окна и куски неба. На светофоре справа проехал мальчишка на велосипеде. Заднее крыло забрызгало ему куртку до самых лопаток, но он, судя по лицу, ничего об этом не знал и был совершенно счастлив. Телефон лежал экраном вниз. На следующем светофоре я всё-таки перевернул его. Два новых сообщения. Ничего срочного. Я снова положил телефон. Дома было тихо.

Лариса ушла утром раньше меня. На кухне осталась её кружка, возле зеркала в прихожей — тонкий шарф, который она, видимо, собиралась взять и передумала. Из приоткрытого окна тянуло прохладой и мокрыми листьями. Где-то внизу хлопнула дверца машины, коротко залаяла собака. Я снял туфли и прошёл в кабинет. Нужно было только поставить ноутбук. Экран проснулся раньше, чем я успел убрать руку. На рабочем столе остался открытым файл с коммерческим предложением. В правом нижнем углу всплыло сообщение от Сергея:

«Посмотри, пожалуйста, когда будет минутка. Сафонов прислал два варианта. Я бы сегодня закрыл, чтобы завтра не возвращаться».

Я посмотрел на часы. Минутка у меня была. Даже несколько часов. Сергей приложил две фотографии и таблицу. В первом варианте цена была выше, срок поставки — длиннее, зато характеристики мне нравились больше. Второй можно было забрать почти сразу, и формально он тоже проходил по нашим требованиям. Я поставил ноутбук на стол. Стоять и смотреть на экран было неудобно. Сел. Открыл таблицу. Разница оказалась чуть интереснее, чем выглядела в сообщении.

У второго варианта в сноске стояло ограничение, которое Сергей не заметил. Не критичное, но я всё равно полез в документацию производителя. Потом нашёл старое письмо с похожей поставкой. Потом вспомнил, что у нас уже был объект, где материал повёл себя иначе, чем обещал каталог. Пять минут прошли незаметно. Я написал Сергею:

«По второму уточни вот это. И попроси фото торца крупно».

Ответ пришёл почти сразу:

«Сейчас».

Я откинулся на спинку кресла. За спиной была дверь. До воды от подъезда — минут десять пешком. Надо было встать. Я не встал. Мне нравилась эта задача: две вещи, несколько параметров, один выбор. Можно разобраться и больше к нему не возвращаться. Такие задачи всегда затягивали меня сильнее, чем я собирался. Телефон завибрировал. Сергей прислал фотографию торца. Я увеличил её двумя пальцами.

— Ага.

На снимке стало видно то, чего не было в таблице. Я позвонил.

— Ты где? — спросил Сергей.

— Дома.

— Отлично. Тогда я сейчас Сафонову наберу, тебя подключу.

— Я вообще-то...

Фраза остановилась.

«Я вообще-то иду гулять» прозвучало бы совершенно нормально.

Но мне самому эта фраза почему-то показалась оправданием. Хотя Сергей ничего от меня не требовал, кроме того, что я уже начал делать.

— Давай, — сказал я.

Через минуту нас было трое. Сафонов говорил быстро, с улицы. В трубке шумели машины. Он то закрывал микрофон рукой, то снова появлялся, объяснял про партию, склад и то, что первый вариант действительно лучше, но ждать его придётся. Я задавал вопросы. Сергей записывал. Разговор оказался хорошим. Без пустых кругов, без привычного «давайте ещё раз проговорим». За двадцать минут мы разобрали почти всё, ради чего завтра пришлось бы собираться ещё раз. Когда отключились, я посмотрел на листок возле клавиатуры. На нём каким-то образом уже появились четыре строки, написанные моей рукой. Я не помнил, когда взял ручку. За окном стало темнее.

Не вечер — просто солнце ушло за облако. Свет, который лежал на краю стола, исчез. По ощущению в комнате сразу стало прохладнее. Я встал. На экране всплыло новое письмо. Отвечать не надо было. Я открыл. Прочитал. Там был вопрос, на который я знал ответ. Ответил. Потом увидел соседнее неп прочитанное письмо. Закрыв почту. Через секунду открыл снова.

— Максим.

Голос прозвучал так ясно, что я обернулся. В комнате никого не было. Вспомнилось то спокойное «понятно» у Прохора. Я закрыл ноутбук. В тишине щёлкнул замок крышки. Посидел ещё несколько секунд. Потом телефон снова завибрировал. Сергей.

«Сафонов говорит, если хотим первый — подтвердить сегодня до 17. Второй держит до завтра. Что делаем?»

Я посмотрел на сообщение. Вот теперь это уже был настоящий вопрос. Если ждать до завтра, первый мог уйти. Если брать первый сегодня — надо было решить сейчас. Если второй — времени хватало, но мне он нравился меньше. Я снова открыл ноутбук. Вода никуда не делась. Она вообще прекрасно обходилась без меня.

* * *

Когда я в следующий раз посмотрел на часы, свободный день уже закончился. Не формально. В календаре ещё оставалось какое-то время. Можно было надеть куртку, выйти, дойти до парка, постоять у берега минут пятнадцать и вернуться. Но это уже было бы выполнение пункта. Я слишком хорошо знал этот способ: если хотел что-то сделать для себя и не сделал, можно быстро сделать маленькую версию, поставить внутри галочку и считать, что договор выполнен.

Я не пошёл.

Сергею написал, что сегодня ничего не подтверждаем. Пусть первый вариант отпускают, второй держат до утра. Завтра в половине одиннадцатого у Сафопова всё равно была встреча — можно посмотреть оба материала вживую, если первый ещё останется. Через минуту Сергей ответил:

«Принял».

Потом:

«Я бы второй взял».

Я написал:

«Завтра посмотрим».

И только после этого заметил, что за окном снова идёт дождь. Мелкий. Почти прозрачный. Он появлялся только на фоне тёмных деревьев, а на стекле собирался маленькими каплями и медленно соединялся в дорожки. До воды было десять минут. Я стоял у окна и видел верхушки камышей между домами. Совсем немного. Камыши были рядом весь день. Я так до них и не дошёл. Лариса вернулась позже семи. Я услышал ключ в замке, потом шорох пакета и её недовольное:

— Ну конечно.

Вышел в прихожую. У неё в одной руке была сумка, в другой — бумажный пакет, у которого от дождя разошлось дно. Из него опасно торчал угол какой-то коробки.

— Давай.

— Не надо, я уже донесла.

Она прошла на кухню, поставила пакет на стол и только тогда отдала мне сумку.

— Что там?

— Туфли.

— В таком пакете?

— Он был нормальный, когда я вышла из магазина.

Она сняла пальто и провела ладонью по волосам.

— У тебя день как?

— Встречу отменили.

— И?

— Хорошо поработал.

Лариса посмотрела на меня. Не вопросительно. Просто посмотрела. Потом открыла пакет и достала коробку.

— Эти оставить или слишком?

Она поставила передо мной туфлю. Я взял её за каблук.

— Мне нравится.

— Это опасный ответ.

— Почему?

— Потому что теперь я их оставлю, а через неделю ты скажешь, что вообще ничего не понимаешь в женской обуви.

— Я действительно ничего не понимаю.

— Вот.

Она забрала туфлю.

— Значит, оставляю.

И ушла переодеваться. За ужином мы говорили о совершенно другом. Лариса рассказывала про женщину в магазине, которая минут десять доказывала продавцу, что бежевый — это не цвет, а «состояние ткани». Потом показала фотографию какого-то кресла, которое ей прислали, и спросила, не кажется ли мне, что у него ножки слишком тонкие. Я сказал, что кажутся. Она сказала, что я предсказуем. После ужина я убрал тарелки в посудомойку, вытер стол и по привычке взял телефон. На экране было письмо от Сафонова. Фотографии двух образцов при другом освещении. Я посмотрел. Первый нравился мне больше. Закрыл письмо.

Открыл снова. Потом выключил экран.

— Максим, свет на кухне выключи, пожалуйста, — крикнула Лариса из комнаты.

— Сейчас.

Я выключил. В коридоре стало темно. Из кабинета через приоткрытую дверь падала узкая полоска света — ноутбук снова проснулся от какого-то уведомления и подсветил стену холодным прямоугольником. Я подошёл, закрыл крышку и прикрыл дверь. Не до конца. Она осталась чуть приоткрытой.

* * *

Я открыл глаза — и стоял в коридоре.

Коридор был слабо освещённый, длинный и узкий, с тёмным деревянным полом и тяжёлыми массивными дверями по обе стороны. Под потолком горели редкие лампы в матовых плафонах, и между ними оставались полосы полумрака. Стены были выкрашены старой светлой краской; возле плинтусов она местами потемнела, будто по коридору много лет проходили люди, задевали сумками, ставили коробки, прислоняли к стене что-то тяжёлое. В руке у меня была большая связка ключей. Она оттягивала руку; ключи звенели при каждом шаге и всё время цеплялись друг за друга. Из первой двери позвали:

— Максим!

Я остановился. Разум шёл рядом. На нём была обычная рубашка с закатанными рукавами, в руках — тонкая папка.

— Сюда, — сказал он.

Я нашёл ключ. За дверью стоял стол, на котором звонил телефон. Рядом лежали бумаги, один лист съехал на пол. Я поднял его, ответил на звонок, что-то быстро объяснил человеку на другом конце. Телефон замолчал. Разум сделал пометку. Мы вышли. Через несколько шагов позвали снова. На этот раз за дверью была кухня. Под мойкой капала вода. Женщина держала полотенце возле соединения и раздражённо показывала на мокрый пол. Я перекрыл кран, подтянул гайку. Капать перестало.

— Всё, — сказал я.

Она улыбнулась. Разум закрыл дверь. Дальше был автомобиль с открытым капотом. Потом комната, где на стене висел криво закреплённый шкаф. Потом большой стол, за которым люди спорили над чертежом. Потом ещё одна дверь. И ещё. Никто не просил ничего невозможного. Наоборот. Задачи были ясные. Где-то нужно было решить. Где-то — помочь. Где-то — просто назвать правильный размер или выбрать один вариант из двух. Ключи постепенно переставали звенеть. Разум шёл рядом и спокойно говорил:

— Эта срочная.

Или:

— Здесь можно не спешить.

Или:

— Там уже справились.

Иногда я сам проходил мимо двери, услышав, что за ней стало тихо. Мне нравилось, что он знает порядок. В какой-то момент я заметил небольшую дверь справа. Она была уже остальных, из светлого дерева, без номера и таблички. Даже ручка выглядела простой — тёмный металл, немного потёртый возле основания. Из-за неё никто не звал. Я прошёл мимо. Через несколько дверей вдруг понял, что помню её. Оглянулся. Она стояла там же.

— Что за дверь? — спросил я.

Разум посмотрел в папку. Перелистнул страницу. Потом ещё одну.

— Не знаю.

— Как это?

— Её нет в списке.

— Значит, закрыта.

Я дёрнул связку ключей. Разум протянул руку. Мы начали перебирать. Ни один не подошёл. Из соседней комнаты позвали:

— Максим!

Я повернул голову. Разум тоже.

— Там ждут, — сказал он.

Мы пошли дальше. Коридор будто становился длиннее. В нём появлялись новые двери, хотя я не видел, как именно. Сначала они возникали далеко впереди, потом приближались, и почти за каждой кто-нибудь был. Когда я снова вспомнил о светлой двери, мы уже ушли далеко.

— Вернёмся? — спросил я.

Разум посмотрел назад.

— Можно. Но сначала здесь.

Он был прав. За ближайшей дверью действительно звонил телефон.

Я ответил.

Потом ещё кому-то помог. Потом вынес из комнаты тяжёлую коробку. Потом объяснил человеку, почему его решение не работает. Когда мы наконец пошли обратно, коридор оказался пустым. Никто не звал. Ключи снова тяжело висели в руке. Светлая дверь была на месте. Возле неё стояла Душа. Она не смотрела на меня. Проводила пальцем по краю дверного полотна, будто проверяла дерево на ощупь.

— У тебя есть ключ? — спросил я.

Она качнула головой. Разум подошёл ближе.

— Я проверял.

Душа нажала на ручку. Дверь открылась. Я посмотрел на связку ключей.

— Она была не заперта?

Разум нахмурился.

— Получается, да.

За дверью находилась комната. Пустая. Деревянный пол. Светлые стены. Одно окно. Ни стола, ни стула, ни телефона. Никого. Я вошёл. Воздух был прохладнее, чем в коридоре. Пахло деревом, пылью и чем-то очень слабым, почти забытым — клеем или канифолью. Я не сразу понял, откуда мог взяться этот запах в пустой комнате. На полу возле стены лежала тонкая завитая стружка. Я поднял её. Она была лёгкая, сухая, почти невесомая. Разум вошёл следом, оглядел стены.

— Здесь ничего не сломано.

Я посмотрел на него.

— Вижу.

— Телефона нет.

— Вижу.

Он подошёл к окну.

— И никто не ждёт.

За окном было темно. Не совсем ночь. Скорее то время, когда ещё видно землю, но дальние предметы уже теряют цвет. Душа подошла к окну и повернула старую металлическую ручку. Створка открылась с тихим скрипом. В комнату вошёл влажный воздух. Где-то далеко была вода. Я не видел её. Только слышал: редкий мягкий плеск, потом тишина, потом снова.

— Что здесь делать? — спросил я.

Разум пожал плечами. Он действительно не знал. Душа тоже ничего не сказала. Она стояла у окна и слушала. Из коридора далеко-далеко снова донеслось:

— Максим!

Разум повернул голову. Я тоже. Кто-то позвал ещё раз. В руке звякнули ключи. Я посмотрел на открытую дверь. Потом на окно. Вода едва слышно шевельнулась в темноте.

* * *

Сначала появился звук холодильника. Потом — редкая машина во дворе и вода, которую где-то сверху пустили по трубам. В комнате было серо. Дождь закончился ещё ночью, но солнце пока не поднялось выше домов, и свет ложился на потолок холодным прямоугольником. Лариса спала на боку, натянув одеяло почти до плеч. Телефон на тумбочке показывал начало седьмого. От сна остались коридор, тяжёлая связка ключей, открытая створка и вода, которой я так и не увидел. Я лежал ещё немного, потом встал. На кухне сварил кофе и сел за стол. Сегодня в половине одиннадцатого надо было ехать к Сафонову. Я хотел ехать.

Первый образец всё ещё был у него. Вживую материал мог оказаться совсем другим, чем на фотографии. Можно было положить два рядом, повернуть к окну, посмотреть на торец, провести рукой по поверхности. Мне такие вещи нравились. Я действительно хотел поехать. Наверное, поэтому минут пять сидел с телефоном возле чашки, прежде чем открыл переписку с Сергеем. Написал:

«К Сафонову сегодня съезди сам. Посмотри оба. Если первый действительно лучше настолько, чтобы ждать — не подтверждай ничего. Если разница небольшая — бери второй. Мне фото пришли потом».

Стер последнюю фразу. Написал:

«Реши сам».

Перечитал. Получилось слишком широко. Добавил:

«По сроку приоритет до двух недель. По цене — в пределах согласованной. Остальное реши сам».

Отправил. Ответ пришёл через пару минут.

«Ты заболел?»

Я улыбнулся.

«Нет».

«Тогда что случилось?»

Я посмотрел в окно. На мокрой крыше соседнего дома сидели голуби. Один расправил крыло и долго приводил в порядок перья. Никуда не торопился.

«Ничего».

Сергей написал:

«Опасно».

Я ответил:

«Если выберешь ерунду — узнаешь».

Три точки мигали довольно долго.

«Вот теперь узнаю тебя».

Я убрал телефон. После кофе зашёл в кабинет. Ноутбук стоял на столе. Рядом лежала вчерашняя ручка, лист с четырьмя пунктами и папка, которую я так и не передал на отменённой встрече. Я взял папку. Поставил обратно. У двери остановился. Стоило взять ноутбук — и через двадцать минут я наверняка нашёл бы причину открыть его. Ноутбук остался на столе. Вышел. Дверь прикрыл тихо, чтобы не разбудить Ларису. Замок мягко щёлкнул. На улице было прохладно. Асфальт ещё не высох. Под деревьями лежали тёмные листья, на бордюрах собиралась вода, и воздух пах мокрой землёй так сильно, будто парк начинался прямо у подъезда. До прудов я пошёл пешком.

Первые пять минут ноги сами требовали от прогулки хотя бы маршрута. Я всё время выбирал самый короткий путь. Через двор быстрее. По диагонали через парковку ещё быстрее. На светофоре можно перейти здесь, а не у дальнего перехода. Потом заметил это и засмеялся.

Даже к воде я пытался прийти эффективнее. У парка дорожка разделялась на две. Левая шла прямо к берегу. Правая делала длинный круг между деревьями. Я остановился. Разум, если бы стоял рядом, совершенно справедливо показал бы налево. Я пошёл направо — справа после дождя свет был красивее.

Между облаками появился кусок голубого неба, и мокрые стволы лип блестели почти чёрными полосами. На кустах висели крупные капли. Иногда одна падала на сухой лист, оставшийся ниже, и звук получался неожиданно громким. Навстречу прошла женщина с коляской. Рядом бежала маленькая собака в жёлтом комбинезоне. Собака остановилась возле меня, внимательно понюхала ботинок и решила, что я не заслуживаю дальнейшего изучения.

— Простите, — сказала женщина.

— За что?

— Он ко всем пристаёт.

— Уже передумал.

Она посмотрела на собаку.

— Быстро.

И пошла дальше. У киоска возле воды пахло кофе и тёплым тестом. Я взял большой американо.

— Крышку? — спросил парень за окном.

Я посмотрел на мокрую дорожку.

— Давайте.

Он защёлкнул крышку на стакане.

Я ушёл со стаканом. Пруд был серым. После дождя вода почти сливалась с небом, только у берега становилась темнее от отражения деревьев. Камыш стоял плотной жёлто-зелёной стеной. На поверхности плавали несколько листьев, а дальше от берега ветер время от времени собирал мелкую рябь и гнал её к противоположной стороне. На первой скамейке было мокро. На второй тоже. Я провёл ладонью по третьей и получил именно тот результат, которого следовало ожидать. Сел на край деревянного ограждения. Кофе был слишком горячим. Телефон лежал в кармане. Минуты две я выдержал легко. Потом рука сама полезла проверить. Новых сообщений не было. Я убрал телефон. Через некоторое время он завибрировал. Сергей.

Я почувствовал почти облегчение. Достал. Фотография двух образцов на столе. Следом:

«Первый лучше. Но срок 12–14 дней минимум. Второй есть сейчас. Беру второй».

Я увеличил фотографию. Первый действительно выглядел лучше. Даже через экран. Поверхность была глубже, край аккуратнее. Второй рядом с ним казался чуть проще. Я уже набрал:

«Подожди».

Не отправил. Стер. Написал:

«Принял».

Сергей ответил мгновенно:

«Ты точно здоров?»

Я не стал отвечать. Положил телефон рядом с собой на деревянный брус. Теперь он был виден. Это оказалось хуже. Перевернул экраном вниз. С воды прилетел ветер. Холодный. Я застегнул куртку. Ветер бил холодом в щёку, а я минут пять думал о первом образце: двенадцать дней — не вечность; разница видна даже по фотографии; если бы я приехал, со Сафоновым можно было бы ещё раз поговорить о сроке. Потом по дорожке пробежали двое подростков. Один перепрыгнул лужу, второй попытался повторить, попал обеими ногами в середину и с таким выражением посмотрел на мокрые штаны, что я засмеялся вслух. Первый остановился.

— Я говорил, глубоко.

— Ты сказал после того, как я прыгнул.

— Но сказал же.

Они убежали. Я отпил кофе. Он уже был нормальной температуры. На другом берегу кто-то запускал небольшую радиоуправляемую лодку. Я сначала увидел только белый след на воде. Потом заметил мужчину с пультом и мальчика рядом. Лодка сделала круг, слишком резко вошла в поворот и перевернулась. Мальчик закричал. Мужчина что-то ответил и пошёл искать длинную ветку. Я автоматически начал прикидывать, как проще достать лодку. До берега метра три. Ветер гонит сюда. Если подождать... Остановился. Мне стало смешно второй раз. Мальчик тем временем уже нашёл палку длиннее. Через минуту лодка была у него. Я смотрел, как он переворачивает её, выливает воду и снова ставит на поверхность.

Запах мокрого дерева почему-то на мгновение смешался с другим — давним, почти невозможным здесь: клей, нагретый паяльник, канифоль. Так быстро, что я не успел ничего вспомнить целиком. Только руки. Маленькая деталь. Желание посмотреть, полетит или нет. Я сделал глоток. Лодка снова пошла по воде. На этот раз ровно. Я просидел у воды ещё минут двадцать. Может быть, полчаса. Часы не смотрел. В какой-то момент солнце ненадолго показалось между облаками, и одна из скамеек начала быстро подсыхать. Доски посветлели; я провёл по ним ладонью и пересел туда. На брюках осталась тонкая влажная полоса от деревянного ограждения. Кофе закончился. Стакан я держал в руках ещё некоторое время просто потому, что урна была далеко. Потом всё-таки встал.

Пошёл вдоль берега. Дорожка здесь была уже. С одной стороны кусты почти касались плеч, с другой вода подходила к самому краю и подмывала землю под корнями. Несколько

деревьев стояли наклонно, будто каждый год понемногу пытались лечь в пруд, но пока не решались. Под ногами хрустел мелкий гравий.

Телефон больше не звонил.

Я поймал себя на том, что жду. Не конкретного человека. Самого звука. Будто без него прогулка становилась чуть подозрительной. Дошёл до конца дорожки, где парк упирался в невысокую металлическую ограду, развернулся и пошёл обратно. У киоска выросла очередь. Люди брали кофе перед работой или после прогулки с собаками. Мужчина в спортивной куртке долго выбирал сироп, потом спросил девушку за стойкой, какой менее сладкий.

— Без сиропа, — ответила она.

Он задумался. Я пошёл мимо. До дома возвращался другой дорогой. Не специально длинной. Просто другой. Возле подъезда увидел своё отражение в стеклянной двери: куртка застёгнута до подбородка, волосы растрепал ветер, на правом ботинке грязь. Выглядел я как человек, который сходил в парк. Ничего больше. Лариса уже ушла. На кухонном столе лежала записка:

«Максим, купи вечером хлеб».

Ниже она нарисовала стрелку к пустой хлебнице. Я усмехнулся, положил телефон на стол и в кабинет не пошёл. Сделал ещё кофе и сел у окна. Пруда отсюда почти не было видно. Только между домами блестел небольшой кусок воды. Через несколько минут я всё-таки взял телефон. Сергей прислал ещё две фотографии. На одной второй образец лежал возле окна. На другой — рядом с нашим референсом. Разница была. Не катастрофа. Но была. Я увеличил. Закрыл. В половине первого оделся и поехал в офис. Рабочий день никуда не исчез.

* * *

В кабинете Сергея второй образец лежал на столе. Вживую он оказался немного теплее по цвету, чем на фотографии. Не настолько, чтобы отказываться, но достаточно, чтобы я сразу увидел. Сергей заметил это по моему лицу.

— Началось.

— Что началось?

— Вот это.

Он повторил мой взгляд на образец: прищурился, наклонил голову, провёл пальцем по краю.

— Я так не делаю.

— Ты именно так делаешь.

Я взял образец и подошёл к окну. При дневном свете оттенок стал ещё заметнее.

— Первый был лучше.

— Был.

— И торец у него аккуратнее.

— Да.

— Почему тогда этот?

Сергей откинулся на спинку кресла.

— Потому что первый через две недели. Может быть. Второй завтра у нас. По цене в лимите. По характеристикам проходит. Ты написал решить самому.

Я провёл большим пальцем по кромке. Она была нормальной. Просто не такой, как я выбрал бы сам.

— Сафонов скидку дал?

— Три процента.

— Мало.

— Я тоже так сказал. Дал ещё два.

Я посмотрел на Сергея.

— Пять?

— Пять.

— Документы?

Он постучал пальцем по папке.

— Здесь.

Я открыл первую страницу. Потом вторую. Всё было в порядке. Хотелось ещё раз спросить про первый вариант. Не спросил. Положил образец на стол.

— Оставляем.

Сергей помолчал.

— Всё?

— А что ещё?

— Не знаю. Я приготовился защищаться.

— Зря готовился.

— Это никогда не зря.

Я засмеялся. Он тоже. Потом подвинул ко мне другой лист.

— Тогда раз уж ты пришёл...

Я посмотрел на него.

— Даже не начинай.

— Там реально на две минуты.

— Вот с этих слов всё и начинается.

Сергей убрал лист обратно.

— Хорошо.

Я встал. У двери остановился.

— Что там?

— Где?

— На две минуты.

Он улыбнулся.

— Я же убрал.

— Теперь уже интересно.

— Поздно.

— Сергей.

— Максим, иди работай.

Я вышел. В своём кабинете открыл ноутбук. Почта загрузилась почти сразу. Входящих было двенадцать. Первое письмо действительно требовало ответа сегодня. Я начал читать. Через несколько минут заметил на ковре возле стола тёмный след от правого ботинка. Грязь из парка подсохла не до конца. Я посмотрел на неё, потом снова на экран. Телефон зазвонил.

Я ответил.

Два обещания

Два билета в театр висели на холодильнике с понедельника.

Лариса прижала их круглым магнитом с виноградной гроздью и теперь использовала его для всего подряд — от списка продуктов до квитанций. На билетах крупно стояло время: 19:30.

Я видел его каждое утро, когда открывал холодильник, и за неделю успел выучить лучше, чем несколько рабочих встреч.

— Максим, только сегодня без твоего «ещё пять минут», хорошо? В шесть десять выезжаем, — сказала Лариса, наливая кофе.

— Помню.

— Я знаю, что помнишь. Я хочу спокойно доехать, а не влетать в зал под звонок.

— Договорились.

Она поставила чашку передо мной и села напротив. За окном было сухо, но небо с утра висело низко, белёсое, и свет в кухне казался вечерним, хотя ещё не было девяти. Во дворе дворник сдувал листья от подъезда. Воздуходувка то завывала, то стихала, когда он переходил от одного дерева к другому.

Телефон лежал рядом с сахарницей. Он завибрировал.

Сергей.

— Доброе утро.

— Для кого как, — сказал он. — Стол готов.

— Какой стол?

— Тот самый, который я жду два месяца и про который ты сказал: «Когда будет готов — сам поеду с тобой принимать».

Я посмотрел на холодильник.

Два билета висели совершенно неподвижно.

— Сегодня?

— Сегодня. Они дали окно с четырёх до пяти. Потом мастер уезжает на монтаж, и дальше только во вторник. Я уже грузчиков поставил на пять.

Я поставил чашку.

Стол я помнил. Большой дубовый, почти три метра длиной, с массивной столешницей, склеенной из нескольких широких досок. Сергей долго выбирал мастерскую, показывал мне фотографии, присылал образцы тонировки, потом в какой-то момент сказал, что больше ничего выбрать не будет и закажет первый, который ему понравится. Я сам его отговорил.

«Если уж делаешь на десять лет, съезди один раз нормально и посмотри».

Он съездил. Выбрал. А я действительно сказал, что на приёмку поеду с ним.

— Во сколько точно?

— К четырём.

Я снова посмотрел на билеты. От мастерской до дома без пробок — минут сорок. Если полчаса на стол, в половине пятого выехать, в пять десять дома. Даже час оставался.

— Хорошо. В четыре буду.

— Я знал, что ты нормальный человек.

— Не преувеличивай.

— Поздно. До встречи.

Я положил телефон.

Лариса намазывала масло на кусок хлеба.

— В четыре где?

— У Сергея стол забирают. Я обещал съездить с ним.

Она на секунду замерла с ножом в руке и посмотрела сначала на меня, потом на билеты.

— То есть у тебя сегодня ещё и стол?

— Там на полчаса.

— Максим, я ничего не имею против Сергея и его стола. Просто твои «полчаса» иногда начинают жить своей жизнью.

Я рассмеялся.

— В шесть десять выезжаем, ладно? Я хочу один раз приехать заранее, спокойно снять пальто и не слышать первый звонок с парковки.

— Успею.

Лариса посмотрела на меня поверх чашки.

— Вот это слово мне как раз и не нравится.

Но сказала она это без раздражения и снова занялась завтраком.

Я допил кофе и пошёл в кабинет.

Календарь открылся вместе с почтой. В субботней колонке стояли всего две цветные полосы: в четыре — «Сергей. Стол», в шесть десять — «выезжаем». Между ними оставалось белое место, и на экране оно выглядело вполне прилично. Календарь вообще отлично умел показывать время и совсем не умел показывать Москву. В нём не было съездов, светофоров, поиска парковки, ворот без вывески и человека, который обязательно скажет: «Ещё пять минут».

Я ткнул в карту. От мастерской до дома — сорок три минуты. Даже если у Сергея провести час, оставалось почти полчаса запаса. Мне понравилось это число. Двадцать семь минут звучали уже не как риск, а как план.

Можно было сразу написать Сергею: «Я только до пяти». Можно было сказать Ларисе, что, если задержусь, встретимся у театра.

Я этого не сделал. Закрыв карту. Двадцать семь минут всё ещё казались запасом.

До обеда всё укладывалось прекрасно. Более того, настолько прекрасно, что к двум часам я уже считал утренний разговор с Ларисой лишней осторожностью. Закончил письмо, которое собирался отправить только в понедельник, разобрал две папки на столе, ответил на несколько сообщений. В половине третьего закрыл ноутбук.

Мастерская находилась на другом конце города, в бывшей промышленной зоне, где между новыми офисными зданиями ещё стояли старые кирпичные корпуса с высокими окнами. Навигатор показывал пятьдесят две минуты.

Я вышел заранее.

Первые двадцать минут дорога шла почти идеально. Потом на съезде с Третьего кольца всё остановилось.

Красная линия на экране навигатора вытянулась дальше, чем мне хотелось. Время прибытия прыгнуло с 15:47 на 15:56, потом на 16:03.

Я написал Сергею:

«Буду в 16:05».

Ответ пришёл сразу:

«Мы тут».

Я прибавил скорость там, где это ещё имело смысл, и через несколько минут поймал себя на знакомом занятии: пытался выиграть у города семь минут, которые город мне не обещал.

На следующем светофоре посмотрел маршрут обратно.

До дома — пятьдесят восемь минут.

Если мы закончим в половине пятого, я буду дома в половине шестого. Если в пять — почти в шесть. Всё ещё нормально.

Телефон снова убрал.

Мастерскую я нашёл не сразу. Навигатор привёл к серым металлическим воротам без вывески. За ними стоял длинный кирпичный корпус, а вдоль стены — несколько машин, два небольших грузовика и белый фургон с открытыми задними дверями.

Сергей ждал возле входа.

— Семь минут, — сказал он вместо приветствия.

— Пять.

— По моим часам семь.

— У тебя неправильные часы.

— Конечно. Пойдём.

Внутри пахло деревом, маслом и чуть сладковатым лаком. Запах был густой, тёплый, совсем не похожий на строительную пыль. Возле стены стояли щиты, прислонённые один к другому, на стеллажах лежали обрезки дуба и ясеня. Где-то дальше работал станок — ровно гудел, потом голос его становился выше, и через несколько секунд всё снова стихало.

Нас встретил мастер лет сорока пяти в тёмном фартуке.

— Сергей?

— Да.

— Стол здесь.

Он провёл нас между верстаками.

Стол стоял на козлах, ещё без упаковки. Я остановился.

Вокруг него мастерская как будто немного расступилась. Рядом лежали рулоны упаковочного картона, прозрачная плёнка и сложенные в стопку толстые войлочные прокладки. На полу возле одного из верстаков блестела свежая стружка. У стены сохли две узкие столешницы, на каждой карандашом были подписаны марка детали и размер. Здесь всё находилось в промежуточном состоянии: доска ещё не стала дверцей, ножка — столом, поверхность — готовой вещью. Только Сергеев стол уже выглядел законченным.

Сергей подошёл к нему медленнее, чем обычно подходил к чему-либо на работе. За два месяца я успел выслушать от него всё: что мастерская тянет срок, что оттенок на образце слишком жёлтый, что цена за «просто четыре ноги и доску» безумная. Теперь он молчал. Провёл ладонью по столешнице от края к середине и только потом посмотрел на меня.

На фотографиях он выглядел хорошо. Вживую — лучше.

Дуб был тёплого серо-медового цвета, без глянца. На широкой столешнице оставили живой рисунок дерева: длинные тёмные линии, небольшие сучки, одна почти чёрная прожилка уходила от края и растворялась ближе к середине. Подстолье сделали простым, тяжёлым, без декоративных попыток доказать, что стол дорогой.

Сергей провёл ладонью по поверхности.

— Ну?

— Красивый.

— Я про другое.

— И другое посмотрим.

Мастер улынулся.

— Я уже понял, что быстро не отпустите.

— Мы сами надеялись, — сказал Сергей.

Я обошёл стол. Провёл рукой по торцу, посмотрел углы, снизу — крепления подстолья. Не потому, что искал, к чему придраться. Просто если уже приехал принимать вещь, смотреть нужно было нормально.

На дальнем углу столешницы я заметил тонкую линию.

Сначала решил, что это рисунок древесины. Провёл ногтем.

Ноготь зацепился.

— Подожди.

Сергей наклонился.

— Что?

Я показал.

Линия шла вдоль клеевого шва сантиметров на двадцать, почти незаметная сверху, но у торца становилась шире.

Мастер провёл пальцем.

— Это не трещина.

— А что?

— Шов немного открылся после масла. Дерево живое.

— Живое дерево — согласен. Открывшийся клеевой шов — уже другая жизнь.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Он не разойдётся.

— Тогда почему здесь ноготь входит?

Сергей молчал. Для него разговор уже перестал быть удовольствием от нового стола и превратился в то, ради чего он меня и позвал.

Мастер присел, посмотрел снизу.

— Сейчас Игоря позову.

Пришёл второй человек, постарше. Посмотрел, посветил телефоном, потом сказал:

— Лучше поджечь.

Первый мастер поморщился.

— Я и сам вижу.

— Сколько? — спросил Сергей.

— Минут сорок под струбцинами. Потом зачистить, масло восстановить. Час, может, чуть больше.

Я посмотрел на часы.

16:24.

Сергей тоже посмотрел.

— Грузчики в пять.

Мастер развёл руками.

— Если хотите, грузите так. Шов никуда не уйдёт.

Я снова провёл ногтем по линии.

— Я бы не грузил.

Сергей выдохнул через нос.

— Прекрасно.

— Ты меня поэтому и позвал.

— Я знаю. Просто хочется иногда, чтобы ты приехал и сказал: всё хорошо, забираем.

— Тогда надо было другого человека звать.

— Уже понял.

Мастер позвал помощника. Они принесли две длинные трубки, тонкую рейку и банку клея. Стол быстро перестал выглядеть готовым. Его развернули, подложили под край мягкую ткань, один мастер полез снизу, второй начал аккуратно раскрывать шов.

Я смотрел и понимал, что решение правильное. Если сейчас забрать стол, можно год ничего не замечать. А можно через месяц получить щель в полмиллиметра и потом снова везти трёхметровую столешницу через Москву.

— Машину отменять? — спросил Сергей.

— Не знаю, — сказал мастер. — Если клей схватится быстро, можно сегодня. Но я бы дал постоять.

— До вторника?

— До понедельника точно. Во вторник вообще спокойно.

Сергей достал телефон и отошёл звонить грузчикам.

Я ещё раз посмотрел на часы.

16:31.

До дома навигатор показывал час и две минуты.

Если я уеду в пять, буду дома после шести. Переодеться, выйти — уже впрытк. Если в половине шестого — всё.

Я сунул телефон обратно в карман.

«Всё» было пока не наступившим. Мы ещё могли закончить раньше. Два человека работали. Клей был уже на столе. Никакой катастрофы не происходило.

Сергей вернулся, убирая телефон в карман. По лицу было видно, что разговор с грузчиками прошёл не так легко, как его короткое «ладно» в трубку.

— Готовы подождать до шести. Потом у них следующий заказ.

— Отлично.

— Если стол будет готов.

С другой стороны столешницы мастер медленно подтягивал струбцину. Металл сухо поскрипывал, клей тонкой светлой ниткой выступал из шва и тут же снимался тряпкой. Стол, который десять минут назад выглядел готовой вещью, снова стал работой.

— Посмотрим, — сказал я.

Сергей глянул на меня через стол.

— Ты же не сбежишь?

Он спросил почти шутя.

Я уже набрал воздух, чтобы привычно ответить: «Нет, конечно», — и задержал его.

В кармане лежал телефон. На холодильнике дома висели два билета. В шесть десять мы должны были выехать.

Я снова открыл маршрут. До дома — час четыре. До театра отсюда — сорок восемь минут. На экране всё ещё существовало несколько красивых вариантов, в которых Москва вдруг становилась пустой, клей сохнул быстрее положенного, а я оказывался одновременно здесь и там.

— Сергей.

— Что?

— Я со временем накосячил.

Он нахмурился.

— В каком смысле?

— Я обещал тебе приехать на приёмку. И Ларисе обещал к шести быть дома. Когда утром сказал тебе «да», видел билеты перед собой и решил, что везде успею.

Сергей машинально посмотрел на свои часы.

— Так пока ещё успеваешь.

— Только если они закончат сейчас, клей высохнет за двадцать минут и вся Москва внезапно разъедется по домам раньше меня.

Он коротко усмехнулся.

— А если не разъедется?

Я посмотрел на тёмную полосу шва.

— Тогда одно из двух я сорву.

Несколько секунд мы слушали, как мастер переставляет зажим. Где-то в глубине цеха снова запустили станок, и его высокий ровный звук заполнил паузу.

— И что предлагаешь? — спросил Сергей.

Первым движением было сказать: «Да ладно, остаюсь». Потом позвонить Ларисе и рассказать про шов, грузчиков и двухмесячное ожидание. Всё это было правдой.

Второй вариант тоже появился сразу: быстро закончить здесь всё за всех, прыгнуть в машину и потом до театра отыгрывать у Москвы каждую минуту.

— Я могу остаться ещё двадцать минут, — сказал я. — За это время зафиксируем, что именно они переделывают, и решим с доставкой. Дальше тебе придётся закончить без меня. Или переносим приёмку целиком на вторник, и тогда я приеду нормально.

Сергей медленно провёл ладонью по торцу столешницы, словно проверял уже не дерево, а нашу договорённость.

— Подожди. Утром ты сказал: «В четыре буду».

— Сказал.

— И на прошлой неделе сказал, что стол примем вместе.

— Сказал.

— Я поэтому и поставил всё сегодня.

Он говорил негромко. Именно поэтому каждое слово ложилось тяжелей, чем если бы он начал злиться вслух.

— Да.

Сергей ждал. Внутри уже собиралась защитная речь: шов заметил я; без меня стол, возможно, уже увезли бы; свою часть работы я почти сделал.

Я промолчал.

— Надо было утром сразу сказать, что у меня вечер занят, — сказал я. — Я решил, что успею. Не успеваю.

Сергей качнул головой и отошёл на пару шагов.

— Ты странный человек.

— Это сейчас помогает?

— Нет.

Он посмотрел на мастеров, потом снова на стол.

— Я мог поставить приёмку на вторник. Но поставил на сегодня, потому что ты сказал, что приедешь. И теперь во вторник опять ехать мне.

В его голосе не было ни драмы, ни желания меня воспитывать. Просто факт, от которого не получалось отвернуться.

— Похоже на то.

— Хорошо придумано.

Он не улыбался.

В мастерской было тепло, но у меня вдруг нагрелись уши. Пробка, шов, билеты, грузчики, мастер, который сам советует оставить стол до вторника, — объяснений хватало. Но утром Сергей услышал от меня простое: «В четыре буду».

Хотелось тут же всё исправить: остаться, перенести вечер, заплатить грузчикам, придумать третий вариант, после которого Сергей перестанет злиться.

Мастер поднялся из-под стола.

— Мы поджали. Теперь лучше не трогать минимум час.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.